

«Возрождение Германии»

Герман Тёринг

Райхсмаршал Авиации Рейха - Герман Тёринг

Переседено Независимым Сообществом «Нац.-Соц. Рутения» 2023 год

Содержание:

Вступление

1. Наследие Германии
2. Война
3. Восстание
4. Версаль
5. Веймар
6. Конец Германии?
7. Адольф Хитлер
8. Черная пятница - 9 ноября 1923 года
9. Тактика обеспечения законности
10. Фюрер
11. Правительство Брюнинга
12. Правительство Папена
13. Правительство Шлейхера
14. Победа - 30 января 1933 года
15. Моя задача
 - а) Реорганизация полиции
 - б) Организация государственной тайной полиции
 - в) Уничтожение Марксизма и Коммунизма
 - г) Премьер-министр Пруссии
 - д) Авиация
16. Создание нации
17. За равные права, Честь и Мир

Вступление

В то время, когда Вождь немецких Национал-Социалистов Третьего Райха Герман Гёринг написал следующую рукопись, он был еще генералом. Позже Герман Гёринг стал Райхсмаршалом.

Во время Первой мировой войны Герман Гёринг принял командование эскадрильей фон Рихтгофена после того, как Красный Барон был сбит. Вскоре после войны Герман Гёринг стал последователем Адольфа Хитлера. После неудачного "путча" он бежал в Швецию и женился. Некоторое время он оставался в Италии, но правящим фашистам было невыгодно помогать запрещенной тогда N.S.D.A.P. Но когда Хитлер был освобожден из тюрьмы Ландсберг, Герман Гёринг вскоре снова был рядом с ним.

Герман Гёринг принимал активное участие в переговорах о политической фракции. В конце правления Веймарской республики Герман Гёринг даже стал президентом Райхстага.

После прихода к власти N.S.D.A.P Герман Гёринг стал министром-президентом Пруссии. Реорганизация прусской полиции Германом Гёрингом описана в рукописи на этой странице. Уже будучи высокопоставленным нацистским лидером, Герман Гёринг стал высокопоставленным лидером Третьего Райха, как в политике, так и в качестве главы новых и быстро растущих Люфтваффе, у которых в итоге даже появилось собственное танковое формирование - танковая дивизия имени Германа Гёринга!

Когда Герман Гёринг женился вторично (его первая жена умерла), свадьба стала одним из крупнейших светских событий в Третьем Райхе. Когда началась Вторая мировая война, Германия имела лучшие - но не самые большие - военно-воздушные силы в мире. Во время войны она потеряла это преимущество, но ближе к концу вернула его себе, создав реактивный самолет ME262. Многие эксперты считают, что Германия могла бы выиграть войну, если бы продержалась еще шесть месяцев, то есть достаточно времени, чтобы построить НЕСКОЛЬКО реактивных самолетов, чтобы переломить ход войны в воздухе.

Герман Гёринг получил очень болезненную рану в паху. Это лекарство в итоге привело к наркотической зависимости, что, в свою очередь, негативно сказалось на его работе. Герман Гёринг любил быть щедрым по отношению к своим друзьям, за что подвергался критике.

Несмотря на недостатки Германа Гёринга, Хитлер оставался верен своему другу и товарищу до самого конца войны, когда Герман Гёринг попытался вести переговоры о мире с Западом без разрешения Хитлера.

В Нюрнберге Фельдмаршал Герман Гёринг вел ожесточенную борьбу. В конце концов, Герман Гёринг бросил вызов желанию противника повесить его, заявив о самоубийстве.

Генерал Герман Гёринг, Берлин, февраль 1934 года:

«Я приветствую эту возможность представить англоязычным народам несколько моих идей о борьбе немецкого народа за свободу и честь. Я надеюсь, что эти слова будут также приняты нашими противниками как откровенное выражение моей безграничной любви к моей стране, служению которой одной я посвятил всю свою жизнь.»

1. Наследие Германии

Отсутствие понимания и симпатии, которые многие иностранные народы проявляют к Германии, во многом объясняется незнанием особого характера немецкой истории.

"История человечества - это история войн", и история немецкого народа - это также длинная повесть о жестоких войнах: "От битвы с Ариовистом до борьбы безоружных в Руре тянется железная цепь" (Штегеманн). Поскольку идея Германии и немецкого народа известна в истории, мы видим, что узы, которые она подразумевает, были только узами крови, общей культуры и общего языка. Время от времени рыхлый конгломерат, казалось, приобретал более прочную форму, но вплоть до наших дней он так и не объединился в немецкую нацию. Это одна из причин, по которой немецкий народ в целом никогда не принимал участия в великих завоевательных войнах. Обычно разные части Германии воевали друг против друга, очень часто в интересах других народов. Но на протяжении веков немцы были вынуждены защищать свои собственные дома и свою собственную землю - землю сначала своего племени, а затем и народа. У Германии нет естественных границ. Это никогда не был замок, чьи укрепления состояли из моря и гор, но лежал как открытый лагерь посреди Европы, защищенный только телами своих людей. И это также причина, по которой немцы никогда не вели свои войны за иностранные короны, но всегда за свою собственную честь; не для завоевания чужих стран, а для защиты собственной свободы; не для подчинения других, а для обеспечения собственной безопасности.

Трудный путь немецкого народа по своей истории начинается с раздела Германской империи по Верденскому мирному договору в 843 году и ведет мимо "Завещания Ришелье" и Вестфальского мира, которые утверждали, что навсегда гарантировали "Германские свободы", к диктату Версаля в 1919 году. Эти "немецкие свободы" означали не что иное, как вечное разделение Райха на бесчисленные маленькие королевства и княжества, которые соседние страны натравливали друг на друга в соответствии с принципом Людовика XI "Разделяй и властвуй".

И тогда, наконец, Пруссия взяла на себя свою великую миссию в мировой истории. Это было - бороться за единство Германского Райха. Это была задача, достаточно сложная для несравненного гения Фридриха II. Даже его враги называли его "Великим". Он был одновременно "самым царственным из людей и самым человечным из королей". Ведя жизнь в беспримерной аскезе, он сделал маленькую Пруссию основой грядущего Райха. Когда он лежал на простой походной кровати, повидавшей столько кампаний, и в одиночестве в объятиях своего гусара выпускал последний вздох, его последние слова остались завещанием его преемникам: "Я вижу землю обетованную издалека, но нога моя на нее не ступит".

После Фридриха Великого пришел Райхсфюрер фон Штайн, который страстно боролся за свой великий идеал: "Я знаю только одно Отечество - и это называется Германия!" Но и он, после доблестной жизни, полной труда, сражений и поражений, став жертвой клеветы и предательства, смог одержать лишь частичную победу. Он тоже знал о грядущем единстве, но ему не суждено было испытать его на себе.

В честь Штайна - Бисмарка. Родившийся в поместье в марке Бранденбург, он продолжил и почти завершил гигантскую задачу, начатую Фридрихом и Штайном. Но Бисмарк в момент смерти, как будто сама смерть сорвала пелену с его глаз, выкрикнул, полный печали и дурных предчувствий, эти последние слова - "Германия - Германия".

Под флагами в Зеркальном зале Версаля, в котором родился Райх Бисмарка, стоял лейтенант фон Гинденбург. Он сражался на поле битвы при Кенигграце и в войне против Франции. В величайшей из всех войн его императорский повелитель поставил его во главе могучей армии, которая в течение четырех лет противостояла враждебному миру.

Где-то в этом огромном оплоте немецких мужчин стоял тот, кому, неизвестному, как и бесчисленному множеству других, и храброму, как многие другие были храбры, было суждено вписать свое имя в вечную книгу истории как спасителю немецкого народа, человеку, который должен был завершить ее солидарность и единство. Этим человеком был Адольф Хитлер.

В трех великих войнах, выигранных Пруссией в прошлом столетии, родилась Германия: на полях сражений при Лейпциге и Ватерлоо, при Кенигграце и Седане люди немецкой крови снова нашли друг друга. Перед парижскими пушками и во дворце Людовика XIV осуществилась вековая немецкая мечта о Германской империи. Благодаря концентрации всех национальных сил произошло беспрецедентное продвижение вперед. Мир, длившийся почти 50 лет под защитой сильной армии и хорошего флота, позволил молодому Райху блестяще развить свою промышленность и обеспечить процветание.

Если в 1871 году население Германии составляло 41 миллион человек, то в 1914 году оно выросло почти до 70 миллионов. Огромное количество людей стремилось вперед, работало на полях и фабриках, в лабораториях и шахтах, за прилавками и письменными столами или в портах и верфях по всему миру. Этот огромный успех известен всему миру и может быть продемонстрирован статистически.

Германия занимала первое место на мировых рынках в области электрооборудования, производства стекла и игрушек, а также выплавки и добычи полезных ископаемых.

Только немецкая химическая промышленность обеспечивала четыре пятых мирового рынка. К началу века объем торговли Германии с портами за пределами Европы увеличился на 500 процентов. Таким образом, Германия в условиях мирной конкуренции, благодаря упорному труду, эффективности и организованности превратилась в могущественный фактор экономической жизни мира. Эта позиция, завоеванная мирным трудом, в конечном итоге привела к самому страшному из всех конфликтов - Мировой войне. Окружение Германии было полным, и народы Европы погрузились в море крови и страданий, а весь мир - в катастрофу неисчислимых масштабов.

28 июня 1914 года 19-летний студент в Сараево застрелил австрийского наследника престола. Этот выстрел внезапно и безжалостно разразил грозу, которая годами бушевала над Европой. Первый грохот был вызван нескончаемыми железнодорожными поездами, которые доставляли уже мобилизованный русский армейский корпус к немецкой границе. Гигантская машина войны начала свой смертоносный стук. Европа мобилизуется! Жребий был брошен. Угрожаемая со всех сторон, Германия получила в руки меч. Немецкий народ, невинный в развязывании этой величайшей из войн, должен был сражаться, чтобы защитить свою жизнь и честь.

2. Война

Самое ценное, что может быть у народа, - его "свобода и честь" - оказалось под угрозой. И немецкий народ выполнил свой долг. Германская армия, чтобы сама не быть опрокинутой и уничтоженной, проходит маршем по Бельгии. Это была самозащита в самом высоком смысле этого слова. Это правда, что народы разных стран, будь то Германия или Англия, Франция или Россия, чувствовали себя невинными. Они повиновались своим правительствам и выполняли свой долг. Немецкий народ тоже, от императора до крестьянина, от фельдмаршала до рядового, был глубоко убежден в собственной невинности и непоколебимо верил в справедливость своего дела. В течение долгих четырех лет немецкий солдат сражался героически и по-рыцарски. Армия и народ тяжело пострадали от ужасной вражеской пропаганды, касающейся так называемых зверств. Возможно, наши враги искренне верили, что необходимо использовать подобную пропаганду для того, чтобы оттолкнуть симпатии всего мира от храброго немецкого народа. Возможно, они действительно верили, что для этого необходимы фальшивые улики и фальшивые фотографии. Германия знала, что все это было просто клеветой. Безусловно, война - это тяжело. Судьба отдельного человека становится ничтожной по сравнению с судьбой целых народов, но это никогда не было немецким способом мучить и дискредитировать своих врагов. Любовь к жестокости никогда не была частью германского характера. Многие французские или бельгийские дети, потерявшие кисть, предплечье или ногу, которые, судя по фотографиям, были отрублены немцами, теперь могли рассказать, что эти увечья были вызваны снарядами или бомбами их собственных соотечественников. Такие вещи неизбежны на войне. Я сам сражался на Западном фронте с первого дня войны до последнего и могу сказать под честное слово, что немецкие солдаты всегда старались облегчить тяжелую участь гражданского населения.

Никогда еще ни одному народу в мировой истории не приходилось отстаивать свои права в такой могучей борьбе, какую немецкий народ был вынужден вести в эти годы. Ни один эпос не смог бы описать, какой героизм, какая терпеливая выдержка, какая преданность долгу были проявлены на всех фронтах. В течение четырех лет немецкая армия сдерживала натиск врагов, значительно превосходящих ее численностью и военной техникой, и защищала свою страну от вторжения. В течение четырех лет немецкий народ терпел и страдал тяжело, как в осажденном городе. Каждый мужчина, способный носить оружие, старики и юноши, вышли, чтобы присоединиться к смертельной борьбе. А дома немецкие женщины своей терпеливой выдержкой и самозабвением доказали свое величие и благородство. Несмотря на все усилия врага, Германия казалась непобедимой. Но наконец наступил горький конец, ужасное поражение.

После долгих лет, в течение которых была пролита кровь лучших людей, после долгих лет голода и истощения, Партии, состоящей из предателей своей страны, удалось сбить с толку народ у себя дома и отравить его душу. Поддерживаемые вражеской пропагандой, подкупленные вражескими деньгами, социал-демократические агитаторы будоражили народ.

Германия, истекающая кровью от тысячи ран, голодающая и измученная, героически вела борьбу с врагами извне, но она уже не была достаточно сильна, чтобы противостоять врагу внутри. Народ был поднят против своих лидеров лозунгом "За свободу вашего класса! За свободу личности!" Забастовки на военных заводах были организованы лидерами социал-демократов, и те же лидеры составили призывы к совершению предательства или дезертирству. И вот, наконец, судьба армии, которая все еще храбро сражалась, была решена. Этой храбрейшей из всех армий сломали хребет сзади. То, чего враг никогда не смог бы сделать в открытом бою, они добились благодаря своему союзу с немецкими социал-демократами; но, несмотря ни на что, непокоренные войска вернули свой незапятнанный щит чести и свои победоносные знамена. Самая могущественная борьба в истории подошла к концу. Германия проиграла войну и свою свободу, но ее враги были победителями только внешне. Страны запада были на грани краха, и Европе грозило исчезнуть в хаосе.

3. Восстание

С катастрофическим окончанием войны для немецкого народа началось время испытаний. С внедрением в Германию пагубных доктрин еврея Карла Маркса началось наступление на могущество Райха и попытка подорвать мир и благополучие народа. Основой марксизма является классовая война, и разрушение национального единства является его отправной точкой. Немец противостоит немцу; враг - это уже не противник за границей, а только те соотечественники внутри страны, которые принадлежат к другому социальному слою. Чтобы марксизм преуспел, сильную и довольную Германию нужно было сделать слабой и недовольной. И поэтому в течение многих десятилетий марксисты систематически работали с этой целью. Повсюду проповедовались ненависть, зависть, недовольство и подозрительность, и стабильность Райха подрывалась. Так вот, армия и флот всегда символизировали силу народа. Поэтому марксизм направил свою страстную ненависть именно против вооруженных сил государства. И поэтому, где только могла, Социал-демократическая партия наносила ущерб престижу армии, отказывалась голосовать за снабжение и подрывала дисциплину. Десятилетиями эта партия вела агитацию против любой власти, всеми средствами подрывала существующие институты, чтобы, наконец, последним ударом в спину свергнуть само государство. Этой партии было безразлично, что сама Германия, проиграв войну, будет обречена на уничтожение.

И вот 9 ноября 1918 года произошло это подлое восстание мятежников, и было установлено господство марксизма. В тот же день для бедного, измученного немецкого народа начался тот период истории, который можно охарактеризовать как "Период немецкого позора и скорби". Со ступеней Райхстага Шейдеман, видный лидер социал-демократов, провозгласил: "Сегодня немецкий народ одерживает победу по всему фронту". И в этот самый момент немецкий народ рухнул с гордых высот в пропасть. В тот день "победителем" был не народ, ибо все лучшие части народа все еще стояли на всех фронтах, готовые отдать последнюю каплю крови в защиту своей страны. Победили только те предатели, для которых не существовало самой идеи Отечества. Те трусы, которые дезертировали с фронта, одержали победу, эта человеческая мразь, которая всегда появляется во времена стресса. Победил марксизм. Но везде, где побеждает марксизм, в тот же самый момент рушится нация. Там, где коммунизм поднимает голову, народ уничтожается.

Вернувшиеся солдаты, оставшись без лидеров, оторванные от своих гражданских занятий, оторванные от своих домов, разочарованные и даже отчаявшиеся, стали легкой добычей марксистской агитации. Социал-демократия чрезвычайно усилилась, повсюду взяла на себя руководство и с этого времени стала ответственной за судьбу Германии. Проповедовалась невыразимая ненависть ко всему, что не соответствовало марксистской доктрине. Блестящее прошлое было втоптано в пыль, а презрение и насмешки обрушились на все, что народ все еще считал священным. Мораль была изгнана, а безнравственность объявлена моральной. Сама идея патриотизма была осуждена, а национальные партии уничтожены.

Сила и могущество, заключающиеся в национальном единстве, должны были быть заменены международной солидарностью. Место патриотически настроенного немца должен был занять сознательный пролетарий. Германия раскололась на два лагеря: с одной стороны, пролетариат, с другой - буржуазия. Весь немецкий народ должен был жестоко искупить это преступление классовой войны.

Но, обвиняя социал-демократию в этом преступлении измены народу, нельзя забывать, что это стало возможным только потому, что средние классы вообще бездействовали. Средний класс еще до войны выродился в буржуазию. Полное банкротство руководства среднего класса перед войной, непонимание немецких рабочих со стороны средних классов, их снобизм и самомнение сделали возможным то, что немецкий рабочий, лишенный лидера, оказался слишком восприимчивым к соблазнам марксизма и должен был прислушиваться к демагогам которые в основном принадлежали к инопланетной расе и утверждали, что представляют интересы рабочего класса. Если оглянуться назад, на довоенное время, то с удивлением увидишь, насколько слабыми на самом деле были лидеры нации и с какой апатией они смотрели на то, как обманывали народ.

Но вы также будете поражены, увидев, какой высокий процент социал-демократических лидеров и агитаторов были евреями. Но теперь, в дни послевоенного восстания, эти еврейские лидеры выросли из-под земли, как ядовитые грибы. Везде, где формировались солдатские советы, лидерами были евреи, те самые евреи, которых не видели на фронте, но которые работали в отделах снабжения на базе или занимали незаменимые официальные и военные посты дома. На улицах бушевала толпа. У солдат были сорваны значки и погоны. Флаг, который на протяжении десятилетий символизировал величие Райха, был втоптан в грязь. На всех зданиях развевался красный флаг восстания; повсюду царили беспорядок и разруха. Это расстройство намеренно проявлялось в том, как люди депортировали себя, чтобы было совершенно ясно, что теперь каждый может делать или не делать то, что ему нравится. Не должно было быть ни государства, ни порядка, ни авторитета, и моральная концепция свободы должна была быть отвергнута в пользу аморального бесстыдства. Введенные в заблуждение солдаты начали медленно опускаться до уровня простого сброды. Распад рос с каждым днем, даже ежечасно; места радикалов занимали еще более крайние радикалы; и постепенно стало казаться, что новые правители, которые поставили себя во главе нации с такими громкими заявлениями, сами будут втянуты в водоворот разрушения. Они больше не могли избавиться от духов, которых вызвали. Независимые социал-демократы рвались вперед, но затем их тоже настигли, и им на смену пришли спартаковцы. В этом хаосе, который новые лидеры ничего не могли сделать, чтобы преодолеть, был только один выход. Было обращено обращение к остаткам армии, когда-то такой могущественной, но теперь такой слабой.

В разгар всеобщего распада несколько тысяч человек, которые не были готовы робко отказаться от всего, собрались вместе, чтобы противостоять всеобщему краху и защитить свои идеалы патриотизма и чести. Это были Добровольческие корпуса, и к ним обратилось новое правительство. Им ловко удалось одурачить Добровольческий корпус, заставив его поверить, что им придется выступить вперед, чтобы спасти свою страну, под чем лидеры правительства на самом деле подразумевали свою собственную власть и безопасность. Аполитичные солдаты Добровольческого корпуса не понимали истинного положения вещей. Они привыкли всегда вмешиваться там, где их стране угрожала опасность, и поэтому снова, не думая о себе, выполнили свой долг. Они рисковали своими жизнями и бросились в бой со спартаковским сбродом. Но едва они победили и стали хозяевами ситуации, и едва правительство почувствовало себя в безопасности в седле, как оно показало свое истинное лицо и вознаградило Добровольческий корпус, распустив его и выбросив на улицы.

Но всему миру немецкие социал-демократы внезапно провозгласили себя блюстителями порядка, стражами Райха. Даже сегодня все еще часто можно услышать возражение, что социал-демократы, во всяком случае, в 1918 и 1919 годах спасли Райх, мужественно восстановив порядок. Говорят, что Эберт, Шнайдеман и Носке спасли Райх от распада. С социал-демократами мы привыкли к такому искажению фактов и таким попыткам снять с себя ответственность. Народные делегаты в громких воззваниях объявили, что наступила эпоха свободы, что рабочий теперь правит страной и что у него будет мало работы и большие заработки, что эпоха мира и всеобщего процветания близка, что другие нации с радостью встретят новую эру. Германии (освобожденной от милитаризма и монархической тирании), что бедность и нужда прекратятся, что коррупция будет искоренена; короче говоря, что Золотой век вот-вот начнется. Но они забыли, что до этого знаменитого воззвания немецкий народ даже не знал, что такое коррупция. Социал-демократам оставалось представить коррупцию как одно из наиболее существенных явлений своего правления. В конце провозглашения говорилось, что отныне Германия должна стать страной свободы, красоты и чести. Ни одно из этих обещаний, ни одно из них не было выполнено. Напротив, сегодня можно убедительно показать, что имело место прямо противоположное.

4. Версаль

Мечта была внезапно развеяна, как и надежда на вечный мир, на будущее счастье и процветание всех народов. Внезапно, посреди этой радостной музыки будущего, посреди этого бреда о человечестве, резко и нестройно зазвучали версальские трубы. Впервые Германия очнулась от опьянения гражданской войной. В мгновение ока стало ясно, что Германию снова обманули. Доверившись словам Уилсона и его четырнадцати пунктам, меч был отложен в сторону. Германия доверчиво подчинилась заверениям относительно всеобщего счастья народов и международной солидарности. И теперь она видела себя беззащитной перед миром, ошестившимся оружием и ненавистью. "Germaniam esse delendam" - таков был лозунг Версаля. Более дьявольскими, чем мог себе представить разум Данте, были условия Версальского мира. Никогда ни одному народу в мировой истории не предъявлялись такие условия. Даже разрушение Карфагена было ничем по сравнению с позорным Версальским миром. Слово "Мир" казалось опозоренным и оскверненным навсегда. Храбрый народ, миролюбивый и трудолюбивый, любящий свободу и честь, теперь был заключен в Версальскую тюрьму. Жажда мести теперь была удовлетворена уничтожением некогда страшного, но и уважаемого врага. В своей слепой ненависти враги Германии не видели, что этим так называемым миром они вели не только Германию, но и весь мир к катастрофе.

Но в Германии марксистские ангелы мира продолжали, несмотря ни на что, разглагольствовать перед народом о международной солидарности. Вину за версальский диктат возлагали на проигранную войну, но при этом забывали, что социал-демократы сами сделали возможным крах немецкого народа своими предательскими действиями. Но немецкий народ слишком поздно осознал, что за последние месяцы он отказался от своей чести, и что теперь, лишившись чести, он был лишен и своей свободы. Только однажды он восстал снова как один человек, когда стыд стал невыносимым; немецкие генералы должны были быть сданы! Какой англичанин, какой француз не покраснел бы от стыда, если бы такое предложение было сделано его народу? Но сегодня мы, немцы, знаем, что наши враги никогда бы не выдвинули таких унижительных требований, если бы они не видели перед собой моральный крах Германии. Только потому, что они видели, как немецкие лидеры в то время разрушали всякие представления о чести и национальной гордости, они могли подвергнуть Германию таким унижениям.

5. Веймар

Марксистско-демократическое национальное собрание Веймара, тем не менее, не постеснялось положить Версальский договор в основу новой конституции Германии. Веймарское государство родилось из предательства и трусости, его краеугольными камнями были нищета и позор. Новая Германия, однако, получила все блага этой демократии в виде неконтролируемого парламентаризма. Все идеи были перевернуты с ног на голову. Отличительной чертой парламентаризма, в отличие от принципа лидерства, является то, что полномочия передаются снизу вверх, а ответственность - сверху вниз. Иными словами, бесчисленные партии и их делегаты навязывают правительству свою власть, и правительство должно им подчиняться. Таким образом, правительство несет ответственность перед этими партиями и является игрушкой в их интересах. Но законы природы требуют, чтобы власть осуществлялась сверху вниз, а ответственность - снизу вверх. Каждый лидер обладает властью, и он отдает свои приказы чиновникам и последователям, находящимся ниже него. Но он ответственен только перед своим начальством, а лидер наверху несет ответственность перед народом в целом и за их будущее. В прошлом только благодаря этому принципу чего-либо достигалось; только благодаря этому принципу могли возникать нации и твориться история. Но в Германии теперь правил парламент, правила анонимная идея большинства, трусость простых депутатов была доминирующим фактором.

В разгар этих классовых и партийных разногласий бесчисленные группы стремились к собственной выгоде за счет народа. Марксизм праздновал свои величайшие триумфы. Принцы были изгнаны, и красные хозяева взобрались на освободившиеся троны, но не из-за этого стали правителями. Над всеми ними воссел на трон Золотой Телец, и партии продолжили свой гротескный танец. В каждой сфере жизни мы видим декаданс и разложение, распад нации с каждым годом становится все более очевидным, и Райх отныне - тень, каркас, скрепляемый с трудом, уже хрупкий. во многих местах и без какого-либо смысла или цели. Коррупция, безнравственность и непристойности были внешними признаками "гордой" республики. А упадок культуры начинается с ослабления морали.

А потом началась ужасная инфляция. Поскольку была предпринята попытка, в надлежащей марксистской манере, уничтожить все культурные, идеальные и моральные ценности, было вполне логично, что теперь эта кампания разрушения должна быть направлена против экономической жизни нации. Марксизм может процветать только тогда, когда есть люди недовольные, бездомные, оторванные от почвы и поэтому восприимчивые к ложным доктринам. Была предпринята попытка создать в каждом социальном слое пролетариат. Немца нужно было сделать морально и материально пролетарием. Таким образом, инфляция уничтожила любое благосостояние, которое еще оставалось.

Везде, где была унаследованная собственность, она уничтожалась. Тысячи людей в одночасье погрузились в нищету. Последние остатки собственности были уничтожены инфляцией и чисто большевистской системой налогообложения. Стоит только подумать об этом шабаше ведьм, на котором собрались миллионы людей. Была ли это экономическая программа марксизма? Было ли это тем, что они подразумевали под полной социализацией? Позже они скромно назвали инфляцию естественным явлением и забыли, что это был всего лишь результат их преступных доктрин. Здесь мы снова видим тесную связь, которая в конечном счете существует между марксизмом и либерализмом. Как могла буржуазия удивиться, когда беднейшие слои населения теперь внезапно применили к экономической сфере идеи равенства, свободы и братства, проповедуемые во имя либерализма? Сразу было видно, как границы между социал-демократией и партиями среднего класса становились все менее четкими. Лидеры социал-демократов становились все более и более буржуазными и стремились защитить и сохранить то, что они приобрели, ради своей личной выгоды. Их лозунгом больше не было "На баррикады!", они внезапно стали за закон и порядок. С другой стороны, партии среднего класса способствовали общему краху своей бесхарактерностью.

Сегодня мы обвиняем социал-демократию - будь то, как вначале, в ее красной якобитской шапочке или, как позже, в цилиндре, - в том, что она обманула и ограбила Германию; но мы не должны забывать, что буржуазные партии, и прежде всего вечно колеблющаяся партия Центра, участвовали в этом, где бы это ни происходило. Несмотря на все философские разногласия между Черными и красными партиями, черные никогда не оставляли красных в беде. Партии управляли, безудержно и бесконтрольно, через парламент, но усталый и обремененный тяжестью народ должен был нести свой крест страданий.

Вместе с этим внутренним распадом престиж Германии за рубежом страдал все больше и больше. Поскольку всякая любовь к родине была запрещена, а все мужские добродетели высмеяны, было вполне логично, что немецкое правительство должно быть обречено на полное бессилие в своей внешней политике. Германия стала мальчиком для битья в международной политике. Конфликтующие интересы между другими державами были урегулированы за счет Германии. Лига наций, казалось, была исключительно инструментом сдерживания Германии и защиты Версальского договора. В соответствии с условиями этого договора Германия полностью разоружилась и, таким образом, стала полностью беззащитной. С рвением, достойным более благородного дела, германские правительства осуществляли надзор за этим разоружением. Но они зашли даже дальше, чем того требовал Версальский мирный договор. Они обезоружили немецкий народ также морально и духовно. Они убили всякую волю к жизни и сопротивлению. В безумном желании выполнить "все положения Договора" они опьянели астрономическими цифрами. Поскольку они лишили народ чести, они сами были бесчестны по отношению к друзьям и врагам. Вместо прямой, честной и достойной политики, которая была бы осуществима даже во времена величайшего бедствия, они проводили политику обмана.

Они пытались обойти самые сложные проблемы внешней политики, апеллируя к международной солидарности. Для немецкой парламентской политики было в целом характерно не решать проблемы, а уходить от каждого жизненно важного вопроса с помощью какого-нибудь трусливого компромисса.

А потом пришел коммунизм. она неизбежно развилась из ложных доктрин марксизма. Коммунизм поднял голову как неизбежный результат политики трусости и самоотречения, и, поощряемый политикой, чередующейся между марксистским обманом и трусостью среднего класса, он неизбежно одержал победу. При рождении Республики было всего несколько тысяч последователей коммунизма; но через несколько лет их число возросло до шести миллионов, и коммунизм был готов захватить власть и уничтожить культуру, мораль, церковь и промышленность. Она была готова ввергнуть Германию в хаос. Нищета и отчаяние охватили немецкий народ и тысячами гнали его в объятия коммунизма. Миллионы людей, преисполненных ненависти, желали разрушать, потому что все в них было разрушено, и были лидеры, готовые помочь этим отчаявшимся, введенным в заблуждение людям. Эти лидеры пришли из преступного мира и были отбросами населения. И здесь тоже евреи были представлены более широко, чем где-либо еще. Обладая волей недочеловека к разрушению, он почувствовал, что его время пришло. Флаг был поднят. Оно было кроваво-красным, с советской звездой посередине. Если этот символ победит, то Германия должна погибнуть в растущем потоке большевизма.

6. Конец Германии?

Германия казалась потерянной. Как могло случиться, что народ, который только что сражался в такой героической битве, потерпел столь полное поражение? Неужели не было никого, кто был бы готов противостоять силам разрушения? Где-то все еще должны быть носители национальной чести. И они все еще были там! С самого начала сопротивление усилилось. Повсюду ветераны войны собирались вместе, создавали общества и организации. Они сражались в составе Добровольческого корпуса против спартаковцев и в Верхней Силезии, и в Руре; они боролись за свержение первого великого восстания коммунистов и освободили Мюнхен от власти рабочих советов. После того, как они были распущены правительством, возникли новые организации. Сельдте основал в Магдебурге "Стальные каски", Лигу ветеранов войны. В Баварии были сформированы Силы народной обороны, а в Альпах - Оберландский корпус. Но каждый был сам за себя. Между ними не было никакой связи, и поначалу у них была только одна цель - восстановить закон и порядок. Но в долгосрочной перспективе это не могло быть настоящим боевым кличем, поскольку закон и порядок были, в конце концов, тем, чего хотели сами сытые социал-демократические воротилы. Безусловно, все эти ассоциации были наполнены страстной любовью к родине и отвращением к господствующей системе. Но им не хватало твердой основы, действительно большой цели, смелого плана кампании. Все они были проникнуты великими традициями прошлого и были готовы защищать их. Но они не были знаменосцами нового будущего. Тем не менее, мы в глубоком долгу за то, что они не подвели во время величайшей нужды. Они стали точкой сплочения для всех, кто был готов сражаться за свою страну. Но они никогда бы не смогли свергнуть Ноябрьское государство, потому что во главе этого государства стояли люди, которые представляли идею, даже если эта идея была разрушительной. И никто никогда не сможет уничтожить идею одной только силой.

Идею можно ниспровергнуть, только заменив ее новой идеей, которая должна быть лучше и убедительнее и представители которой наполнены страстной энергией. А негативная идея может быть заменена только позитивной идеей. Идеи вечны; они витают среди звезд, и человек должен быть достаточно храбрым и сильным, чтобы дотянуться до звезд, принести огонь с небес и нести факел среди людей. В мировой истории такие люди всегда были великими пророками, а часто и лидерами своего народа.

Но где в Германии был человек, у которого хватило бы гения и силы спасти свой народ и страну? Народ напрасно надеялся на тех, кто по рождению, образованию, обладанию материальным богатством или громкими именами был предназначен для руководства. Но их величие ушло в прошлое; эти люди не оказали ни малейшего сопротивления; они без борьбы отказались от того, что их предки завоевывали на протяжении веков. Судьба никогда не прощает человека, который без борьбы отказывается от того, что благосклонное провидение вложило ему в руки.

"То, что вы унаследовали от своих предков, вы должны завоевать заново, чтобы сохранить это". Эта вечная истина, к сожалению, была проигнорирована княжескими семьями Германии. Они не были готовы ничем рисковать и поэтому не имели права удивляться, когда другие тоже ничего не делали для них и их имущества. Целью этих княжеских домов было сохранить определенные материальные ценности, и с этой целью они привлекали к работе своих юридических советников. Но люди, и прежде всего ветераны войны, с изумлением, горечью или отчаянием видели, как те, кто был лидерами по рождению, подвели их. Именно как монархист я протестовал против утверждения о том, что монархия была разрушена восстанием в ноябре 1918 года. Монархическая идея умерла в немецком народе в течение последних пятнадцати лет, потому что представители монархии сами вырыли ей могилу. В 1918 году, при малейшем противодействии толпы, они сбросили свои некогда славные штандарты, и точно так же их нельзя было найти в рядах тех воинов, которые страстно сражались за возрождение Германии. Было - 15 - несколько заметных исключений, таких как принц Август Вильгельм Прусский, семья ландграфов Гессенских, принц Вальдек, герцог Кобургский и т.д. Но и среди генералов не нашлось ни одного, кто был бы готов поднять знамя сопротивления и призвать всех почетных ветеранов войны присоединиться к борьбе против системы позора. Как бы великолепно ни сражались немецкие офицеры на войне и каким бы блестящим ни было немецкое полководчество, тем не менее отсутствие политического понимания, которое было характерно для немецкого офицера, теперь имело свой горький и фатальный результат. Но средний класс даже до войны не смог произвести на свет никаких лидеров. Имущие классы были в лучшем случае готовы представлять свои личные интересы, но не интересы немецкого народа в целом.

7. Адольф Хитлер

Но когда нужда была наибольшей, Бог дал немецкому народу защитника, неизвестного солдата Мировой войны, человека из народа, без званий, имущества или связей, простого, незамысловатого человека, но обладавшего ошеломляющим гением и величием характера. Человек из народа, Адольф Хитлер встал и взял судьбу Германии в свои чистые сильные руки и как глашатай немецкой свободы и справедливости прошел по всей Германии, взывая, будоража людей и воспламеняя их сердца, как воплощение самой немецкой совести. И тогда всем пылким, ожидающим немцам показалось, что маяк скрытой Германии осветил беззвездную ночь безнадёжного отчаяния. Немецкое сердце было найдено снова, и с волшебной силой оно втянуло в себя самую благородную кровь и снова излило ее в народ бесчисленными потоками воли и силы. Надсмотрщики поработанной Германии могли бросать "мятежников" в тюрьму, могли изгонять их, преследовать, унижать и оскорблять их - но они ни в коем случае не могли заставить их встать на колени. В сотнях тысяч, десятках и сотнях тысяч сердец было посеяно священное семя немецкой воли к свободе. От фермы к ферме, от деревни к деревне, от гор до моря, от Рейна до Вислы распространялось пламя восстания, восстания против любого вида рабства. Пламя, наконец, превратилось в огромное море огня, из которого очищенная Германия поднялась на свой божественно установленный уровень. "Ибо Бог не желает, чтобы были рабы".

Адольф Хитлер знал, что только как знаменосец новой, великой, созидательной идеи его движение может победить, и поэтому он придал ему философию Национал-Социализма, священный символ которого теперь победоносно реет над чудесно объединенной Германией. Борьба за новую Германию не могла вестись только во имя национализма; столь же важно было, чтобы немецкий социализм был представлен. Не случайно колыбель Национал-Социализма находилась в самом сердце Баварии, в Мюнхене. Символично, что немецкое движение возникло в той самой Баварии, которая раньше, отдавая дань сепаратистским тенденциям, больше всего стремилась выйти из состава союза Райха. Именно там молодому Национал-Социализму предстояло выполнить свою первую миссию - бросить вызов этим антигерманским начинаниям и превратить саму Баварию в оплот немецкой идеи.

О Национал-Социалистической программе написано много, и еще больше о ней говорилось. Искажения, ложные представления, непонимание и желание не понимать сделали программу, с одной стороны, насквозь реакционной, а с другой - полностью большевистской. Но наша программа оставалась неизменной, несмотря на все штормы, и в будущем она также останется неизменной как краеугольный камень нового Райха. Ни в коем случае нельзя сравнивать нашу программу с программами партий среднего класса.

Если прочитать бесчисленные партийные программы, которые в Германии более чем где-либо еще, были составлены за последние пятнадцать лет, то снова и снова убеждаешься, что в них нет и следа каких-либо моральных или духовных принципов, даже если в том или ином предложении упоминаются такие вещи, чтобы ввести читателя в заблуждение. На самом деле такие партийные программы просто представляют собой требования вполне определенных материальных интересов. Возможно, социал-демократическая программа представляет интересы класса пролетариата, или программа Центристской партии представляет интересы вселенской католической церкви, или, опять же, многие партии среднего класса подчеркивают, в одних случаях, интересы крупной промышленности, в других - интересы мелких розничных торговцев или о сельском хозяйстве или процессиях. Но во всех случаях эти программы представляют собой чистый материализм. В некоторых случаях можно было видеть, как определенные партии разрабатывали новую программу к каждому выбору и нагло отвергали старую. Иногда первая половина программы категорически противоречила второй. Центр на одних выборах даже зашел так далеко, что разработал две программы: одну для среднего класса, другую для рабочих. Если и формировалась какая-либо новая политическая группа, то главным была программа. Они хвастались своими основными принципами, в то время как это были просто тривиальные приукрашивания, надетые по тактическим соображениям в условиях конфликта интересов. В то время как мы, Национал-Социалисты, всегда оставались верны нашим основным идеям и никогда не позволяли ничему изменять наши принципы, в тактике мы всегда были готовы уступить и приспособиться к конкретной ситуации. С другими партиями дело обстояло наоборот. Они часто твердо придерживались тактики, но всегда были готовы отказаться от своих принципов или изменить им. Возможно, при очень тщательном изучении нашей программы в том или ином пункте не хватает ясности. Но ни в коем случае нельзя забывать, что это не политическая программа, которая была умно продумана, обсуждалась месяцами и готовилась, а в конце концов получила философскую основу и была крещена учеными и политиками в качестве ее крестных родителей. В Национал-Социалистической программе несколько людей из народа без всякой утонченности и сообразительности истолковали глубокую тоску нации, которая уже боролась за свое возрождение посреди разрушения, распада и крушения. Основы нашей программы - это фундаментальные принципы и те максимы, которыми мы должны руководствоваться в своих действиях по строительству новой Германии. Возьмем только один пример: - Было установлено, что доходы от войны должны облагаться налогом. Умники тут же бросились в атаку с возражением, что сегодня больше нет военных прибылей. По правде говоря, это не требование в буквальном смысле, но оно означает, что чувства людей всегда восстают против идеи о том, что отдельным людям должно быть позволено извлекать материальную выгоду из общего бедствия. Точно так же такое требование направлено особенно против тех, кто, используя тяжелое положение народа, стремился получить огромные прибыли от продажи военного имущества, в то время как обычный немец жертвовал своим имуществом, своей семьей, даже своей жизнью, без всякой мысли о материальной выгоде, просто чтобы служить своему народу. Такой же протест был бы направлен против тех, кто, например, стремился бы извлечь выгоду из какой-либо природной катастрофы, в то время как тем, кто пострадал от катастрофы, приходилось терпеть большие лишения и невзгоды. В широком смысле это означает не что иное, как то, что кровь наименьшего из своих соотечественников стоит больше, чем любая материальная выгода.

И таким образом, как было показано на этом примере, можно было бы объяснить каждую максиму в более высоком смысле.

Если посмотреть на программу таким образом, как мы это инстинктивно чувствуем, то становится ясно, какая огромная сила исходит от этих сентенций. Понятно также, почему именно народ почувствовал истинность нашей программы, то есть наших принципов, глубже и яснее, чем он мог бы понять другие программы. Тем не менее для нас решающим никогда не была программа, то есть абзац, мертвая буква. Это всегда был живой смысл, который придавал нам силы и энтузиазм для могучей борьбы. Фюрер однажды сказал: "Германия рухнула не из-за отсутствия программ, а потому, что было слишком много программ и слишком мало людей действия". Если бы программы были решающим фактором, то демократы с парламентскими партиями сегодня укрепились бы на троне как никогда. Как часто меня спрашивали: "Да, но в чем на самом деле заключается ваша программа? И я мог только, полный гордости, указать на наших простых и отважных штурмовиков и сказать: "Вот они, носители нашей программы. Они несут это на своих ясных, открытых лицах, и эта программа - Германия!" Все принципы, которые способствуют дальнейшему восстановлению и укреплению позиций Германии, мы одни признаем пунктами нашей программы; все остальное, что может нанести ущерб нашей стране, мы осуждаем, и они должны быть уничтожены.

Первые несколько лет казались малообещающими для нового движения. Это могло развиваться только медленно и постепенно. Партия оставалась ограниченной почти исключительно Мюнхеном и баварским нагорьем и закрепились только в Нюрнберге и Кобурге. Над Хитлером и его последователями смеялись, их не воспринимали всерьез, пока внезапно, в конце 1922 года, не произошло стремительное продвижение. Уже тогда, когда Хитлер произносил речь, самые большие залы были заполнены до отказа. Аудитория, затаив дыхание, слушала новое учение и полностью отдалась магии личности Хитлера. Но партия по-прежнему ограничивалась Баварией. Хитлер безжалостно осудил пагубные марксистские доктрины. С непоколебимой решимостью он и его люди, и прежде всего небольшие, но уверенные в себе отряды штурмовых отрядов, повсюду противостояли красным. Они ходили в беднейшие кварталы городов, в красные крепости, прямо на марксистские собрания и бесстрашно спорили с политиками-социал-демократами. Это были прежде всего ветераны войны и подрастающее поколение, которые сплотились под знаменами Хитлера.

1923 год принес инфляцию, а там и панику. В Баварии в то время у власти находилась Баварская народная партия, центристская партия среднего класса, озабоченная исключительно ослаблением связей между Баварией и Райхом. В Берлине по-прежнему безраздельно царила социал-демократия. Баварское правительство считало, что сможет использовать молодое Национал-Социалистическое движение в своих целях и использовать его оппозицию Красному Берлину. Поэтому они не сопротивлялись Хитлеровской агитации. По мере того как общее разорение с каждым днем становилось все более очевидным, партия становилась сильнее, а Хитлер становился все более решительным. Другие патриотические общества постепенно попадали под его влияние и руководство.

8. Черная пятница - 9 ноября 1923 года

В Баварии вечеринка уже достигла своего апогея. В то же время Баварская правительственная партия сочла, что пришло время воспользоваться общим недовольством берлинским правительством: они перейдут в наступление и тем самым расколют Райх. Сам Хитлер был твердо намерен не допустить этого и использовать отвращение к Берлину для организации объединенной и всеобщей атаки на правительство Райха как таковое. События, приведшие к так называемому Хитлеровскому путчу, хорошо известны, и их описание здесь заняло бы слишком много места. 9 ноября 1923 года, в пятую годовщину позорного ноябрьского восстания, планировалось нанести решающий удар. Уверенно доверяя торжественным обещаниям фон Кара, Лоссова и Зайссера (правительство, армия и полиция), Хитлер в ночь с 8 на 9 ноября провозгласил новую Германию и объявил об отстранении правительства Райха от должности. На следующий день должен был начаться марш на Берлин. Сегодня мы знаем, что герр фон Кар, как представитель католических течений и виттельсбахов, запланировал совершенно иную акцию на 12 ноября. И таким образом, движение, само того не подозревая, своими действиями спасло единство Райха.

Около полудня 9 ноября первая из безоружных марширующих и поющих колонн борцов за свободу была вероломно расстреляна полицией возле Фельдхеррнхалле в Мюнхене. Восемнадцать человек пожертвовали своими жизнями, и еще многие были ранены. Рядом с Хитлером маршировал генерал Людендорф, а рядом с Людендорфом - я, командующий штурмовыми отрядами. Хитлер и Людендорф были спасены чудом. Я сам упал, тяжело раненный двумя выстрелами. Внезапно и жестоко грохот пулеметов разрушил ликование и убил надежду на свободу. И снова, как это уже неоднократно случалось в истории Германии, предательство помешало победе. Молодое движение, которое только зародилось, казалось уже уничтоженным. Последователи были рассеяны, лидеры в тюрьме, ранены или в изгнании. Слабым, вновь впавшим в уныние, казалось, что Германия теперь окончательно потеряна.

Но вскоре стало ясно, что эти жертвы были не напрасны. Семя, посеянное в крови, начало чудесным образом давать всходы. Борцы за свою деятельность были объединены более прочно, чем когда-либо. Сам Хитлер был сильнее, опытнее, увереннее в будущем, чем когда-либо прежде. Во время его заключения ситуация казалась безнадежной. Но едва он был освобожден, как огромная притягательная сила этого лидера и пророка стала очевидной. Он снова взял знамя в свои руки, и сразу же вокруг него снова собрались старые бойцы, а также тысячи новых. Теперь движение было создано не только в Баварии, но и в Северной Германии. Маршем к Фельдхеррнхалле в Мюнхене молодое движение вошло в мировую историю и взяло на себя руководство и направление борьбы за свободу, честь, работу и хлеб, которая теперь начиналась. В будущем ни одна другая организация не сможет претендовать на такое же положение.

Это было правительство среднего класса, которое отдало приказ расстрелять солдат Национал-Социализма в Фельдхеррнхалле. И вместе с этим у многих честных немецких рабочих исчезли последние следы недоверия к движению. Партии среднего класса больше не могли обманывать людей ложью о том, что они представляют нацию. В Фельдхеррнхалле они проявили себя в своем истинном обличье, и именно там Национал-Социализм окончательно вырвал у буржуазии их искаженное представление о национализме. Точно так же движение больше не могло позволить социал-демократам называть себя представителями социализма. Средние классы восприняли возвышенную концепцию национализма, которая заключается в содействии благу всего народа, и низвели ее до ура-патриотизма, корни которого уходят в алкоголь и получение прибыли. Точно так же социал-демократы взяли чистую концепцию социализма, которая означает служение обществу и право каждого человека на достойную жизнь, и низвели ее до простого вопроса о еде и заработной плате.

Германия была расколота на два враждебных лагеря: с одной стороны, пролетариат, а с другой - средние классы. Средние классы предстали как представители национализма, ненавидимые рабочими как символ принуждения и угнетения; пролетариат, которого ненавидела и боялась трусливая буржуазия, предстал как символ разрушения и отмены частной собственности. Эти две идеи казались взаимоисключающими и неизбежно противоречащими друг другу. Если казалось, что одна сторона оскорбляет нацию, то другая сторона оскорбляла народ. Между двумя сторонами не могло быть наведено никакого моста; не могло быть никакого примирения. Хитлер видел, что искажение этих двух идей привело к разделению народа, и что до тех пор, пока они остаются искаженными, никакое единство невозможно. Поэтому он взял символы обеих сторон и переплавил их в горниле нашей философии, чтобы создать новый синтез. Результатом стал Национал-Социализм, который является уникальным и неразрывным союзом двух идей в их самом глубоком и прекрасном проявлении. Он объяснил рабочим, что не может быть никакого социализма, никакой социалистической справедливости, если человек не готов признать благо всей нации. Тот, кто хочет улучшить судьбу отдельного человека, должен быть готов улучшить судьбу всей нации. В то же время он убедил сторонников средних классов в том, что они никогда не смогут достичь национальной силы и единства, если не будут готовы предоставить каждому отдельному соотечественнику его права, если они не будут готовы рассматривать судьбу каждого отдельного соотечественника как свою личную заботу. Он объяснил обеим сторонам, что национализм и социализм не являются взаимоисключающими, а абсолютно необходимы друг другу. Таким образом, он объединил обе идеи в одну философию, и затем, по логике вещей, он должен был свести представителей этих двух идей вместе, объединить их и таким образом достичь национальной солидарности. И поэтому величайшей заслугой Хитлера всегда останется то, что он не перекинул мост через пропасть между пролетариатом и буржуазией, а заполнил ее, сбросив в пропасть как марксизм, так и буржуазные партии. Таким образом, разрушительной войне между классами и партиями был положен конец, и было достигнуто единство нации и солидарность народа.

9. Тактика обеспечения законности

Но теперь началась самая тяжелая и изнуряюще трудная борьба. Партия должна была отказаться от своей революционной тактики и продолжать свое продвижение легальными методами. Хитлер не хотел во второй раз подвергать свои войска опасностям уличного боя; он не хотел еще раз провоцировать столкновение между его сторонниками и вооруженными силами. Он знал, что вооруженные силы, поскольку они были представлены райхсвером, в глубине души были на его стороне, обязательно на его стороне. Он сам был слишком большим солдатом; он слишком сильно любил эту маленькую немецкую армию, чтобы навязывать ей такой ужасный конфликт лояльности. Он знал и уже пророчески сказал в своей речи в свою защиту на процессе над Хитлером в Мюнхене, что настанет день, когда райхсвер и Национал-Социалисты встанут в одни ряды за свободу своей страны. Хитлер смог добиться такого изменения тактики: именно 9 ноября 1923 года это стало возможным, поскольку теперь никто не мог обвинить его в том, что он был слишком труслив для революционных действий. Люди больше не могли говорить, что он мог только говорить, но не действовать. Он доказал, что может действовать. Он сам был во главе своих колонок, и он и подчиненные ему офицеры в тот раз не вели себя как марксистские и коммунистические демагоги, которые заводили своих последователей и отправляли их на баррикады, а сами благоразумно оставались в своих редакционных креслах и в своих профсоюзных офисах и довольствовались тем, что проливали чернила, в то время как их последователи проливали собственную кровь.

Но этот тактический переход к легальной борьбе вовсе не означал отказа от идеи революции. В марксистском словаре революция означает беспорядки, уличные бои, разграбление магазинов и домов, убийства, поджоги, суматоху и беспорядок. Но для Национал-Социалистов революция - это нечто великое и могучее; она означает избавление от старого и прогнившего и прорыв новых сил, сильных и молодых. Мы совершаем революцию непрерывно; каждое из наших собраний, каждая из наших газет, каждое из наших воззваний было этим высшим видом революции. Ибо мы произвели революцию в мыслях и чувствах немцев; мы боролись не за голоса на выборах, а за душу каждого отдельного человека. Мы хотели снова сделать рабочих, крестьян, лавочников и представителей образованных профессий, представителей всех классов, профессий и церквей, прежде всего, немцами. На сотнях тысяч собраний мы говорили пылкие слова, мы будоражили умы наших слушателей, мы вдабливали в их мозги и вырезали в их сердцах, что есть только одно, чем они должны быть "немцами", и что у них есть только один долг - "Германия!"

Эти массовые собрания стали источником чего-то совершенно уникального. Для начала мы проводили собрания в прокуренных маленьких гостиницах или ресторанах в бедных кварталах, среди рабочих, которые были возбуждены до высшей степени ненависти, а против нас выступали марксистские и коммунистические агитаторы.

Очень часто такая встреча заканчивалась вольной схваткой, и часто было много раненых, и нас часто гнали и выбрасывали из зала подавляющим преимуществом. Но это не мешало нам возвращаться снова и снова со свежим мужеством; снова и снова мы штурмовали красные крепости, и число наших сторонников росло. У рабочих была возможность убедиться в том, где кроется истина, где верность своим убеждениям придает силы, где лидеры храбры, а где трусливы. А затем пришли люди из всех социальных слоев и классов, из всех профессий и партий. Самых больших залов уже не хватало; люди часами стояли на улице перед началом митинга, когда собирался выступить видный лидер движения. Их энтузиазм перерос в экстаз, когда сам Фюрер выступил с речью. Мы столкнулись с неопишуемым ликованием, а также со свистом и беспорядком, неслыханной любовью и глубочайшей ненавистью, уникальной преданностью и самопожертвованием, а также самым грубым эгоизмом и материализмом. И вот мы пошли своим путем сквозь толпу людей, с полной уверенностью и с четкой целью перед глазами. Нас объявили вне закона и оклеветали, на нас обрушились презрение и насмешки. Мы были объектами интенсивной и неопишуемой кампании ненависти, проводимой газетами, которые находились в руках евреев.

В целом, еврей долгое время возглавлял борьбу против нас. Именно он дергал за ниточки за спиной всех наших различных противников. Временами он казался реакционером, сторонником немецких националистов, временами его можно было встретить как мягкотелого, лицемерного и, следовательно, более хитрого члена Центристской партии; а затем он снова становился мирным буржуа из Народной партии. В другое время он смотрел на нас с пресыщенным лицом политика-марксиста из среднего класса; а потом он снова уставился на нас с искаженным ненавистью лицом коммуниста из преступного мира. Какими бы разными ни были маски, лицо за ними всегда было одним и тем же - Артаксеркс, странствующий еврей, всегда копающий, волнующийся и считающий законными любые средства.

Борьба велась с большим гневом и горечью. Со всех сторон была замечена сила нашей атаки. Римско-католическое духовенство объединилось со свободомыслящими и атеистами в борьбе против нас. Со стороны чиновников постоянно происходили закулисные нападки. Мы были вне закона; мы были низведены до ранга людей второго сорта; у нас не было никаких прав, а наши штурмовики и молодёжь Хитлера были бесплатной добычей для каждого коммунистического головореза. Кровавый террор поселился на улицах больших городов, ожесточенная борьба велась на задних дворах и на лестничных площадках многоквартирных домов в беднейших кварталах больших городов.

Наши враги всегда имели численное преимущество перед нами и вероломно нападали на наших доблестных людей и убивали их. В основном это были немецкие рабочие, которые, будучи верными штурмовиками, шли на смерть за свои убеждения и свою страну.

Гнев социал-демократов и коммунистов стал еще более сильным, когда они были вынуждены увидеть, что Национал-Социалистическое движение состояло не из благородных джентльменов, отставных офицеров, истеричных женщин и буржуазных спекулянтов, а что 70 процентов, особенно Штурмовых отрядов, состояли из рабочих, занятых физическим трудом, к которым затем присоединились работниками умственного труда. Без различия происхождения, богатства или социального класса офицеры стояли в наших рядах рядом с рабочими, крестьяне рядом с профессорами, все преисполненные священной идеи, все верные последователи Вождя. Но и сейчас к нам стекалась в первую очередь молодежь и старики, которые оставались молодыми в своих сердцах. Когда-то было сказано, что будущее должно принадлежать нам, потому что на нашей стороне была молодежь, но мы могли ответить; "Нет, молодежь приходит к нам, потому что будущее за нами". Для меня заняло бы слишком много места дальнейшее описание того замечательного времени, когда нам пришлось терпеть угнетение сверху (со стороны властей), кровавый терроризм снизу (со стороны коммунистов) и социальный остракизм со стороны общественности. трусливая буржуазия. Но все это только укрепляло движение. Когда, наконец, стало ясно, что наше победоносное продвижение больше нельзя сдерживать извне, была предпринята попытка расколоть движение изнутри, подорвать его силу. Но хотя иногда кто-то мог сделать неверный шаг, все же в целом эти попытки полностью разбивались о прочную стену верности, любви и доверия.

10. Фюрер

А потом состоялись первые выборы, и мы направили двенадцать депутатов в парламент Райха. У нас тогда была только одна задача - везде и в любое время атаковать. Подобно щуке в карповом пруду, мы потревожили сытых парламентариев в их медитативном покое. Первый сигнал к битве прозвучал в разгар тех приятных дебатов, которые никогда не воспринимались всерьез, и между плоскими, пресными и пустыми речами. Сторонам стало не по себе, когда член Национал-Социалистической партии занял свое место за столом спикера. Положение дел подверглось резкой критике; слова обрушились на спины виновных, как удары кнута, и люди были с нами.

Наш боевой клич - "Германия, пробудись!" - разбудил отставших. На следующих выборах наблюдался поразительный рост. Из двенадцати депутатов Райхстага мы внезапно выросли до 107. Мир затаил дыхание и прислушался. Отныне другие народы тоже начали считаться с новым движением. Можно было бы больше не говорить о секте, не называть нас сектантами или фанатиками и считать вопрос исчерпанным. По правде говоря, мы фанатики, потому что ничего большого нельзя достичь без фанатизма. Где бы было христианство без его фанатиков? Да, мы были раскалены добела фанатичной любовью к нашему народу. Но мы тоже были фанатичны в своей ненависти к тем, кто его разрушал. Все больше и больше становились известны наши имена как передовых бойцов и верных помощников нашего Фюрера, мы перестали быть частными лицами; домашняя жизнь, семья - все это стало иметь второстепенное значение. Отныне мы принадлежали движению, а значит, и нашему народу и стране. Но перед всеми нами стоял наш Фюрер Адольф Хитлер.

В настоящее время, наверное, нет человека, на котором внимание всего мира было бы сосредоточено так интенсивно, как на Фюрере. И все же нет человека, чьи уникальные качества было бы так трудно описать. Каждый, кто знает о тесной внутренней связи между Хитлером и его людьми, поймет, что для нас, последователей, аксиомой является то, что Фюрер должен обладать любым приписываемым ему качеством в его наивысшем совершенстве. Точно так же, как римские католики считают Папу непогрешимым во всех вопросах, касающихся религии и морали, так и мы, Национал-Социалисты, с таким же внутренним убеждением верим, что для нас Фюрер во всех политических и других вопросах, касающихся национальных и социальных интересов народа, просто непогрешим. В чем секрет этого огромного влияния, которое он оказывает на своих последователей? Заключается ли это в его доброте как человека, в силе характера или в его уникальной скромности? Кроется ли это в его политическом гении, в его даре видеть, в каком направлении будут развиваться события, в его огромной храбрости или в его негибкой преданности своим последователям?

Я думаю, что, какое бы качество человек ни имел в виду, он тем не менее должен прийти к выводу, что это не сумма всех этих достоинств; это нечто мистическое, невыразимое, почти непостижимое, чем обладает этот уникальный человек, и тот, кто не может чувствовать это инстинктивно, не сможет постичь это вообще. все. Ибо мы любим Адольфа Хитлера, потому что глубоко и непоколебимо верим, что Бог послал его нам, чтобы спасти Германию.

И это благословение для Германии, что в Хитлере мы имеем редкое сочетание острого логического мышления, действительно глубокого философа и человека действия с железной волей, упорного в высшей степени. Как редко гениальные способности сочетаются с волей к действию. В Хитлере этот синтез завершен.

Уже более десяти лет я стою рядом с ним, и каждый день, который я провожу с ним, - это новый и замечательный опыт. С первого момента, как я увидел и услышал его, я принадлежал ему душой и телом, и со многими моими товарищами произошло то же самое. Я страстно посвятил себя служению ему и неуклонно следовал за ним. За последние месяцы я получил много титулов и почестей, но ни один титул или почести не наполняли меня такой гордостью, как титул, который дал мне немецкий народ: "Самый преданный лейтенант нашего Фюрера".

Эти слова выражают мое отношение к моему Фюреру. Более десяти лет я следовал за ним с нестигаемой преданностью, и с такой же беспрекословной преданностью я буду следовать за ним до конца. Но я знаю, что по отношению ко мне Фюрер преисполнен такого же чувства лояльности, и я знаю и могу с гордостью сказать, что пользуюсь безоговорочным доверием моего Фюрера. Эта уверенность является для меня основой всей моей работы. Пока я тверд в этой уверенности, я не возражаю против того, что встречается на моем пути; ничто не может коснуться меня, ни переутомление, ни интриги изнутри, ни нападения извне. Но наши оппоненты тоже это знают, и именно поэтому они так дико и бесстыдно агитируют в этом направлении. Ежедневно в какой-нибудь иностранной газете можно прочитать, что ссора между Гёрингом и Хитлером обострилась, или же появляются нелепые сообщения о том, что Хитлер хотел арестовать Гёринга, но полиция отказалась выполнить приказ об аресте, или что Гёринг пытался свергнуть Хитлера, но попытка провалилась. Предпринимается попытка представить меня исполненным зависти и подозрительности и желающим играть главную роль, или говорится, что Фюрер будет ревновать к любому увеличению моей власти. Любой, кто знаком с ситуацией в Германии, знает, что каждый из нас обладает ровно такой властью, какой хочет от него Фюрер. И никто не обладает никакой реальной властью или не имеет никакого контроля над исполнительной властью государства, если он не стоит за Фюрером и не имеет его рядом с собой. Но против воли Фюрера или даже без его одобрения он совершенно бессилён. Достаточно одного слова Фюрера, чтобы убрать любого, кого он пожелает убрать.

Его престиж и авторитет безграничны, но, возможно, именно потому, что он обладает такой властью, потому что его авторитет так велик, он так мало ею пользуется.

Если Адольф Хитлер назначил кого-либо на официальную должность, этот человек не будет уволен, если только он не был виновен в предательстве или не показал себя полностью некомпетентным. Фюрер всегда самым великодушным образом прощал ошибки своих подчиненных. Как часто он с улыбкой пропускал мимо ушей ошибки и, когда его все же заставляли уволить того, кто был виноват, часто отвечал: "У каждого человека есть свои слабые места, и каждый совершает ошибки, но прежде всего я ценю мужчин, у которых есть силы действовать вообще. Они могут совершать ошибки, они могут действовать неправильно, но важно то, что они вообще должны уметь действовать." У каждого отдельного последователя есть чудесное чувство безопасности, что никакие интриги, никакие сплетни, никакой скандал не могут повредить его репутации в глазах Фюрера. Чистый характер Адольфа Хитлера невосприимчив к подобным разговорам; он просто не слышит их. Адольф Хитлер также настолько велик, что он никогда не мог завидовать способностям и талантам своих сотрудников или их престижу в народе. Напротив, он всегда заново радуется, когда находит сотрудника, от которого он может ожидать исключительных достижений. Одно из его качеств лидера заключается в том, что он знает, как расставить нужных людей на нужные места. Хитлер не желает никакой личной диктатуры. Он не хочет восседать на троне в одиноком величии над своими соратниками; он не хочет, чтобы они его боялись; он презирает льстецов и ищущих места. Идеалом Адольфа Хитлера, о котором он часто заявлял, всегда было иметь группу способных и решительных людей, во главе которых обязательно должен быть лидер. В этой связи он часто говорил о "круглом столе короля Артура". Адольфу Хитлеру никогда не нужно было избираться председателем, лидером или председателем кабинета министров, комиссии или народного собрания. Где бы он ни был, он лидер; его авторитет само собой разумеющийся; удивительным образом ему всегда удается привязать к себе своих людей, будь то министры или простые штурмовики. Его уникальное личное обаяние очаровывает каждого. Он предоставляет своим сотрудникам наибольшую свободу в их собственных сферах работы и обязанностей. Там они полностью независимы, и если в какой-то момент ему действительно нужно вмешаться, если он хочет, чтобы что-то было сделано по-другому, то он делает это таким образом, что заинтересованный человек никогда не чувствует себя оскорбленным; напротив, он чувствует себя еще более тесно связанным с Фюрером, чем раньше. Люди, которые окружают Хитлера, - это бойцы, выросшие в борьбе последних пятнадцати лет, закаленные всеми трудностями, которые им пришлось вынести. Это грубые, прямолинейные люди, но они совершенны сами по себе, каждый из них делает все возможное в своей сфере, каждый из них преисполнен единственной целью - служить своей стране и своему Фюреру. Возможно, по отдельным вопросам существуют разные мнения, но в отношении великой цели все едины, и здесь опять-таки прежде всего властная личность Фюрера и любовь к нему делают всех этих людей единым умом и единой волей. Хитлер всегда стремился тщательно подбирать лучшего человека на каждый важный пост; ничто тогда не радует его больше, чем тот факт, что он не был разочарован в своем выборе.

Столько заседаний Кабинета теперь позади, на них было проделано столько работы, и в результате было принято столько жизненно важных законов, и всегда было настоящей радостью быть членом этого Кабинета и иметь возможность работать в нем вместе с другими министрами. Здесь мы не занимаемся произнесением речей; не выражаются точки зрения партий и конкретные интересы; нет конфликта непримиримых мнений; благополучие народа превыше всего. Ни один член Кабинета министров никогда не забудет, как Фюрер всегда правильно оценивал политическую ситуацию, как всегда сбывались его пророчества, как убедительно он умел подвести итог тому, что было важным и существеннейшим в дискуссиях. Встречи часто затягивались далеко за полночь, но, тем не менее, напряженная работа поддерживала интерес каждого из нас до конца и создавала впечатление, что у времени появились крылья.

Если бы кто-то захотел предпринять попытку описать Адольфа Хитлера, что он за человек и как он работает, ему пришлось бы написать целую книгу. Повседневная жизнь Фюрера - это нечто постоянно меняющееся, всегда новое, всегда волнующее. Полный изумления, удивления и любви, преисполненный самого полного доверия, народ видит, как его Фюрер справляется с этим могучим бременем работы. В любой час дня и до глубокой ночи его соотечественники стоят перед дворцом канцлера. Их удерживает там сознание того, что за этими стенами и окнами Фюрер работает для людей, для тех, кто стоит снаружи и ждет. Какие-то таинственные чары удерживают их там, словно прикованными к земле; и если им кажется, что они хотя бы на долю секунды мельком увидели своего любимого Фюрера в окне, тогда буря энтузиазма разражается. И так по всей Германии; куда бы ни пошел Фюрер, везде ликование, огромные толпы; все хотят быть там, где он, увидеть Фюрера. Видно, как блестят их глаза, особенно у молодежи; видно, как в своей безграничной благодарности толпы мужчин и женщин достигают состояния, граничащего с экстазом; подобно электрическому току, новость проходит через переполненные массы - "Фюрер приближается!" Это всегда одно и то же - будь то на севере, юге, западе или востоке Германии, в городе или за городом, выступает ли он перед студентами или руководителями промышленности, проезжает ли он мимо марширующих колонн райхсвера на маневрах, или отправляется в немецкие рабочие на своих фабриках - везде зрелище одно и то же, везде одно и то же чувство, везде этот неповторимый энтузиазм, который может исходить только от самой полной уверенности, самой беспрекословной веры и глубочайшей благодарности. Немецкий народ знает, что теперь у него снова есть лидер. Немецкий народ благодарен за то, что наконец-то человек взял бразды правления в свои железные руки. Немецкий народ снова вздохнул, потому что, наконец, человек теперь думает и работает над устранением нужды и страданий, и потому что его больше не будут заставлять руководить самим собой. Величайшей ошибкой прежней системы либерализма было воображать, что люди хотят сами управлять собой, руководить собой. Нет, народ хочет, чтобы им руководили и чтобы им управляли; и, по правде говоря, народ требует одного, а именно, чтобы его лидеры были одержимы священным убеждением в том, что вся их работа и силы должны быть посвящены исключительно пользе и благу народа. И немецкий народ знает, что долгожданный и вдохновленный Вождь - это Адольф Хитлер!

11. Правительство Брюнинга

1932 год всегда будет рассматриваться как один из самых важных поворотных моментов в истории Германии. И, на самом деле, это год, полный самых захватывающих событий, огромного напряжения, могучих противоречий. Немецкая жизнь, казалось, достигла своей низшей точки; повсюду все зашло в тупик. Казалось, настоящие сумерки богов пагубно опустились на парламент и его партии; наконец-то стало осознаться, что происходит в народе; партийцы пробудились от своего глубокого парламентского сна, потревоженные враждебным бормотанием озлобленного народа. Решающие политические события быстро следовали одно за другим. Шли одни выборы за другими; лавина митингов прокатилась по стране. С одной стороны, у нас были Национал-Социалисты, яростно атакующие, возбуждающие и разжигающие массы; с другой стороны, коммунисты тоже яростно атакуют и отчаянно сопротивляются; другие партии среднего класса, красного или черного цвета кожи, безнадежно пытающиеся защититься. Джентльмены, которые были в правительстве, испугались. Но хорошо известно, что страх делает людей глупыми, и это стало очевидным, когда один правительственный указ следовал за другим, причем каждый из них был глупее предыдущего. Они снова подумали, что можно будет сдержать могучие миллионы Национал-Социалистического движения нелепыми попытками подавления. За кампанией против нас стояли социал-демократы, но в авангарде были политики среднего класса. Брюнинг и Гренер теперь были главными борцами против движения за свободу.

Монашеский аскет Брюнинг, ученый, оторванный от мира, но безгранично тщеславный, и демократический и слабохарактерный генерал Гренер превосходят друг друга в своей ненависти к Национал-Социализму. Оба были недовольными политиками, чьи мелкие амбиции были разочарованы, но которые ничего не знали о том, что нужно народу, о грандиозной драме, в которой они думали сыграть главную роль, но в которой они были всего лишь марионетками. Мы видим зрелище самого позорного раздора, но, тем не менее, какими бы сильными ни были противоположности сторон с положительной стороны, с отрицательной стороны их крепко объединял парализующий страх перед Национал-Социализмом. Они могли ссориться друг с другом из-за зарплат чиновников, повышения тарифов или налогов на собак, но как только речь заходила о том, чтобы отстранить Хитлера от должности, они объединялись, чтобы сформировать единую линию обороны. И вот сцены в этом политическом театре меняются. Кабинет Брюнинга I падает, и через несколько недель и с некоторыми изменениями кабинет Брюнинга II представлен немецкому народу. Кто из этих джентльменов в то время подозревал о глубоком разочаровании немецкого народа? Когда первый кабинет Брюнинга подал в отставку, люди были одержимы единственной надеждой, что теперь, наконец, к власти придет их защитник, Хитлер. Надежда была обманута. Но не прошло и нескольких недель, как корабль Брюнинга окончательно затонул. Снова возродилась надежда; снова курьеры сновали между Президентским дворцом, дворцом канцлера и отелем "Кайзерхоф".

Я хотел бы обратить внимание на превосходную книгу доктора Дитрих "С приходом Хитлера к власти". (Дворец канцлера был отрицательным полюсом, а Кайзерхоф - положительным полюсом в этой политической системе высокого напряжения.) 13 августа 1932 года напряжение разрядилось, и искра вновь разрушила надежды миллионов лучших немцев. Мучениям, страданиям и позору все еще не было конца. Но раскат грома, последовавший за этой вспышкой молнии, был еще сильнее, чем раньше. Основы были потрясены до глубины души, и только железная воля Адольфа Хитлера и его подавляющий авторитет не позволили политической напряженности перерасти в бушующую бурю злой войны. Казалось, час Хитлера все еще не настал. Сегодня мы знаем, что 13 августа 1932 года должно было быть; сегодня мы даже благодарны Провидению за это 13 августа. Ибо что произошло бы, если бы Хитлер принял условия, которые тогда были ему предъявлены, и вошел в кабинет Папена в качестве вице-канцлера? Идея о том, что 28-летний Хитлер станет вице-канцлером, свидетельствует о полном отсутствии психологического понимания со стороны тогдашнего правительства. Это предложение было чисто политическим фарсом. Адольфу Хитлеру можно было предложить все, что угодно; учитывая его качества, он мог быть назначен на любой пост, но везде только как глава, как первый человек. Суффикс "Вице" или "следующий по рангу" перед именем Хитлера был совершенно невозможен и воспринимался всеми его последователями как оскорбление. Человек, который в одиночку был избран судьбой для спасения Германии, теперь внезапно должен был занять чисто представительский пост, чтобы, в лучшем случае, продолжать вести обычную повседневную парламентскую борьбу и защищать политические цели правительства среднего класса в качестве его заместителя. На данном этапе необходимо изучить намерения правительства среднего класса, которое было готово ввести Адольфа Хитлера в кабинет министров в качестве вице-канцлера. Этим предложением они надеялись добиться двух вещей: во-первых, заставить замолчать смущающую и могущественную оппозицию Национал-Социалистов; и, во-вторых, Национал-Социализм был бы лишен своей политической силы; он потерял бы свой ореол и постепенно был бы раздавлен на парламентской беговой дорожке. Хитлер, не будучи сам в состоянии влиять на его политику, должен был бы взять на себя ответственность за неспособность и политическую слабость каждого кабинета представителей среднего класса. Вскоре последовала бы катастрофа, поскольку либо движение потеряло бы силу, либо через несколько недель он снова подал бы в отставку. Но тогда весь мир и все политические партии Германии возрадовались бы и заявили: "Так вот на что похож Вождь Национал-Социалистов. Он принял на себя ответственность только для того, чтобы показать, что Адольф Хитлер был возможен в бесплодной оппозиции, но невозможен как конструктивный государственный деятель. Понадобилось всего несколько недель, чтобы показать, что Национал-Социализм не может контролировать ситуацию!" На это возразят, что Хитлер мог навязать кабинету министров свою волю. Сегодня мы знаем, что это было бы невозможно, поскольку в руках Хитлера не было бы реальных инструментов власти. Генерал Шлейхер продолжал бы руководить райхсвером, человек, который на протяжении всей своей политической карьеры не делал ничего другого, кроме как пытался торпедировать и свергнуть своих предшественников. В глубине души заклятый враг Национал-Социализма, он получил бы особое удовольствие, уничтожив движение таким образом.

Однако прусская полиция, согласно той же схеме, должна была быть подчинена Грегору Штрассеру. Герр Штрассер, который в глубине души был таким же противником Адольфа Хитлера, как и Шлейхер, как было показано несколько месяцев спустя, был полон решимости работать против Хитлера и атаковать Хитлера. Штурмовые отряды оставались инструментом власти. Сегодня мы знаем, что этот кабинет представителей среднего класса никогда бы не допустил ни малейшего использования штурмовых отрядов в качестве политического инструмента власти. Любой, кто видел начало правления Хитлера, особенно в кабинетах министров штатов, знает, что здесь можно было бы столкнуться с непреодолимым сопротивлением. В дополнение к этому предполагалось сохранить парламентскую систему; было даже предложено продолжать править в обычном парламентском порядке. Для Партии это означало бы смерть. Партия вполне могла бы бороться в оппозиции в рамках парламентской системы, но для Адольфа Хитлера было бы невозможно управлять демократическим парламентским путем.

Поэтому было совершенно очевидно и абсолютно необходимо, что Адольфу Хитлеру придется отказаться. Напряжение среди людей значительно возросло. Все жаждали наконец увидеть Хитлера в правительстве. В наших собственных рядах тоже были те, кто был обескуражен и считал, что Хитлеру все равно следовало войти в правительство. Эти люди думали, что дальнейшее ожидание будет невыносимым, что Штурмовые отряды больше не смогут выносить дальнейших преследований, дальнейшего терроризма и подавления. Но Фюрер знал лучше; он знал, что настроение Штурмовых отрядов всегда останется прежним, всегда таким же решительным и бесстрашным, как настроение самого Фюрера. Он лучше знал свои штурмовые отряды, и он, как мастер в игре политических сил, здесь тоже поступил правильно. Должно быть, для него было замечательным ободрением слышать, когда он пробирался сквозь толпу после событий 13 августа 1932 года, снова и снова крик: "Держись, Фюрер, держись этого!" Народ, с его здоровым инстинктом, правильно оценил ситуацию. Народ хотел отдать своему лидеру все или ничего. И поэтому борьба 1932 года продолжалась, по возможности с еще большей жесточенностью и интенсивностью. Мы предупредили канцлера фон Папена, мы объяснили ему, что были вынуждены напасть на него не по личным причинам, а из-за должности, которую он хотел занять. Снова и снова мы объясняли ему, что существует только одно возможное решение - сделать Хитлера канцлером. Было бы вполне возможно, если бы Хитлер был канцлером и в кабинете не было бы других Национал-Социалистов. Но было совершенно немыслимо, чтобы целый кабинет состоял из Национал-Социалистов, а канцлер не был Национал-Социалистом. Мы провозгласили, что любой, кто встанет между нами и этой нашей целью, подвергнется яростным нападкам. Мы провозгласили, что любой, кто вздумает обнажить свой меч против нас, будет безжалостно отброшен в сторону.

12. Правительство Папена

И вот, наконец, началась борьба с Папеном. С личной точки зрения нам было жаль, потому что мы были высокого мнения о нем как о патриоте и человеке; но с политической точки зрения борьба была неизбежной необходимостью. И вот на самом первом решающем заседании райхстага у нас сразу же произошло резкое столкновение. Произошла та знаменитая сцена, в которой герр фон Папен хотел распустить райхстаг, но я, как спикер этого райхстага, пытался помешать ему сделать это.

Казалось бы, это была просто игра словами, гонка с секундной стрелкой часов, но на самом деле это означало, что Национал-Социалисты были непоколебимо полны решимости достичь своей цели. В конечном счете, не имело значения, как и где он вручил мне предписание президента; важно было то, что мы сопротивлялись этому изо всех сил. Под бурные аплодисменты наших сторонников кабинет Папена ушел в отставку, а райхстаг продолжал заседать. Я знал, что продолжать сидеть было всего лишь притворством, но это тоже было неважно. И здесь решающим было то, что конфликт имел место, и народу была ясно продемонстрирована невозможность продолжать играть в парламентские игры. Через несколько месяцев Папен пал, как и было предвидено. Так и должно было быть, потому что, во-первых, тогда против него было все Национал-Социалистическое движение, а во-вторых, министр обороны Шлейхер, очевидно, был на его стороне. Но любой канцлер, на стороне которого герр фон Шлейхер, должен ожидать, что рано или поздно его потопит торпеда Шлейхера. В то время в политических кругах ходила шутка: "Генералу Шлейхеру действительно следовало бы стать адмиралом, ибо его военный гений заключается в том, что он стреляет под водой в своих политических друзей!"

В очередной раз народу было представлено зрелище правительственного кризиса, и в очередной раз напряжение достигло критической точки. И снова мы совершаем то же самое маневрирование между Кайзерхофом и Вильгельмштрассе, то же самое движение туда-сюда. Стал бы Хитлер канцлером или нет? Еще раз мы видим, как объединяются все те силы, которые были объединены своей неспокойной совестью и страхом перед назначением Хитлера. Амбициозный генерал фон Шлейхер, казалось, наконец-то достиг цели своей политической карьеры - "канцлера и министра обороны в одном лице". Следующим шагом тогда могла быть только диктатура и его собственное всемогущество. Но теперь, когда генерал больше не мог быть проволочником на заднем плане, теперь, когда ему пришлось самому стоять в ослепительном свете рекламы в качестве ведущего персонажа на политической сцене и когда его самого тянули и подталкивали бесчисленные конфликтующие силы, стало очевидно, что он никоим образом не подходит для своего поста. Сам он, возможно, воображал себя проницательным политиком, но, тем не менее, ни в малейшей степени не понимал чувств народа. И в этом огромная разница между всеми лидерами послевоенной Германии и Хитлером. Все они хорошо знали свои собственные партии, свои клубы и ассоциации, но все они более или менее игнорировали людей; они не принимали людей во внимание. Хитлер, с другой стороны, был единственным, кто твердо стоял обеими ногами среди своего народа, и поэтому был единственным человеком, имеющим право представлять этот народ.

13. Правительство Шлейхера

Из всех постов канцлера послевоенного времени можно с полным основанием сказать, что пост Шлейхера был самым жалким. Шлейхер надеялся удержаться у власти, надеялся быть способным управлять, натравливая одну сторону на другую, обещая каждой партии многое и не выполняя ни одного из своих обещаний. Абсурдная идея заручиться поддержкой марксистских профсоюзов, которые уже полностью распались, сама по себе свидетельствует о полном отсутствии политического понимания у этого человека. Его идея расколоть Национал-Социалистическую партию изнутри и переманить некоторых из ее подчиненных лидеров, чтобы поставить мат Хитлеру, демонстрирует такое же отсутствие политического понимания. Штрассер, до тех пор один из самых влиятельных людей в движении, работал со Шлейхером против Фюрера и в разгар самой ожесточенной схватки, за пять минут до гола, атаковал своего Фюрера сзади. В то время как Фюрер боролся со Шлейхером в этой тяжелой борьбе и с железной волей и непреклонной решимостью отстаивал свое требование о назначении на пост канцлера, Штрассер вел переговоры со Шлейхером за спиной Хитлера, чтобы получить место в кабинете министров. Именно Штрассер стремился привлечь на свою сторону других офицеров партии, чтобы оказать давление на Фюрера и заставить его уступить. Эти господа так великолепно все продумали - канцлер Шлейхер и министр обороны, премьер-министр Пруссии Штрассер и вице-канцлер. Но Хитлера должны были отправить на пенсию и лишить всякой власти.

Хитлер строго запретил всем своим соратникам вести независимые переговоры. Я, который в то время был его политическим представителем в Берлине, ежедневно получал инструкции, составленные заранее в самых точных выражениях. Таким образом, во время переговоров Фюрер всегда крепко держал бразды правления в своих руках. Теперь Штрассер попытался обойти этот запрет и тем самым бессмысленно поджег прочную структуру Национал-Социалистической партии. Движение может простить все, кроме неверности по отношению к Фюреру; оно никогда не прощает неповиновения, недисциплинированности или предательства. Как только стало известно о действиях Шлейхера и Штрассера, поднялся крик ярости. Другие лидеры, последователи и единомышленники чувствовали себя более тесно связанными с Адольфом Хитлером, чем когда-либо прежде. Теперь более чем когда-либо все были полны решимости слепо следовать за ним в железной дисциплине и выполнять все, что он прикажет. Переговоры были прерваны. Шлейхер стал канцлером, и с ним началась такая же страстная борьба, какая велась против Папена. Но к Шлейхеру мы не испытывали той личной симпатии, которую испытывали к Папену. Шлейхер пытался привнести нелояльность в Движение, чтобы расколоть его. И это не было игрой со своими картами на столе. В третий раз надежда немецкого народа на то, что он, наконец, будет спасен, была разрушена. Вряд ли можно было подумать, что это крайнее напряжение пройдет без взрыва. Пессимисты заявляли, что Движение сейчас сдает позиции, что партия не выдержит этого третьего разочарования в своих надеждах и что сторонников начинает убывать.

И снова Хитлера призвали уступить. Но и сейчас, в том, что было, возможно, самым важным решением, которое ему приходилось принимать, Хитлер оставался непреклонен. Над всем шумом и болтовней толпы его цель ясно сияла перед ним, и пророческим взором он увидел, что его время уже не за горами. Сегодня мы снова знаем, что должны благодарить Провидение за то, что Хитлер не стал канцлером в те ноябрьские и декабрьские дни. Ибо при тогдашнем положении дел ему пришлось бы назначить генерала фон Шлейхера своим министром обороны, а поскольку о его предательстве тогда не было известно, министром внутренних дел стал бы Грегор Штрассер. Таким образом, оба инструмента власти оказались бы в руках людей, которые в глубине души не симпатизировали Хитлеру и фактически предпочли бы видеть его падение, чем победу. С самого начала Кабинет министров не был бы однородным; он не смог бы гармонично работать вместе. Это неизбежно привело бы к острым конфликтам, и кто может сказать, каков был бы их исход?

И вот это искушение тоже прошло, но только благодаря железной воле и замечательному политическому чутью нашего Фюрера. Нападения продолжались. Массы, возможно, более страстно, чем когда-либо, участвовали в митингах и предвыборных баталиях; правительство подвергалось еще более ожесточенным нападкам, и снова и снова они и их союзники по партии загонялись в угол. Все больше и больше люди приходили к пониманию, и старый фельдмаршал тоже приходил к пониманию того, что правительство Шлейхера было некомпетентным и невозможным. В дополнение к этому президент испытывал отвращение к тому, как Шлейхер привел к падению Папена, а также к тому, как он теперь управлял страной. Но единственной политической поддержкой Шлейхера было доверие президента. Только с доверием президента он мог сыграть свою роль; снова и снова он был вынужден пользоваться авторитетом почтенного фельдмаршала, чтобы вести свои политические баталии. Мы все знали, что если бы мы только смогли просветить президента и если бы он затем отозвал свое доверие, со Шлейхером было бы покончено. Не нашлось бы ни одного человека, будь то среди народа или в армии, который был бы готов сражаться за него. И вот 1932 год подошел к концу в таком буйстве политических страстей, какого немецкий народ никогда прежде не испытывал. Ожидание было почти невыносимым, и угрожали еще более ожесточенные конфликты, поскольку самая трудная часть зимы была еще впереди. Когда 1932 год подошел к концу, Германия достигла глубин страданий. Время испытаний для немецкого народа было отмечено бесчисленными страданиями. Начало наступающего года принесет либо крах, либо восстановление. Были судимы все партии, все ведущие политики, все группы и ассоциации. Кто-то, так сказать, забрал из конюшни последних и лучших лошадей и пустил их бегать. Но все они были сломаны. Как мужчины, так и партии - все они потерпели неудачу.

14. Победа - 30 января 1933 года

Так начался январь 1933 года, месяц, который еще долго будет считаться, пожалуй, самым запоминающимся в истории Германии. К середине месяца уже было ясно, что скоро будет принято окончательное решение. Со всех сторон царил лихорадочный активизм. Начиная с 20 января я, как политический делегат, поддерживал постоянную связь с герром фон Папеном, государственным секретарем Мейснером, лидером "Стальных касок" Зельдте и лидером немецких националистов Гугенбергом и обсуждал с ними будущие события. Было ясно, что наша цель может быть достигнута только путем объединения Национал-Социалистов со всеми оставшимися национальными силами под единоличным руководством Адольфа Хитлера. И тогда стало видно, что герр фон Папен, против которого по политическим причинам мы когда-то были вынуждены сражаться, теперь осознал, какое это было знаменательное событие. С искренним радушием он вступил с нами в союз и стал честным посредником между престарелым фельдмаршалом и молодым младшим капралом Великой войны. Зельдте без колебаний бросил "Стальные каски" на весы Национал-Социалистов и преданно и твердо встал на сторону Адольфа Хитлера. Договориться с немецкими националистами было сложнее, поскольку там слишком прочно укоренились остатки партийной системы. Было ясно, и в первые недели я часто говорил об этом Хугенбергу, что немецкой националистической партии давно пора самораспуститься, чтобы влиться в великую реку Национал-Социализма.

Но в то время нужно было прийти к соглашению, иначе все было бы разрушено. Президент был готов назначить Адольфа Хитлера, если таким образом будет обеспечено единство национальных сил. Трудность в достижении соглашения была связана с тем фактом, что на одной стороне стояли Национал-Социалисты, превосходившие все другие партии численностью и, прежде всего, властью, а на другой стороне стояли лидеры партии среднего класса, которая из-за своего парламентского прошлого требовала передачи полномочий абсолютно пропорционально его размеру или важности. Главная трудность, однако, заключалась в том, что Адольф Хитлер потребовал в качестве неперемennого условия, чтобы сразу после формирования кабинета были проведены всеобщие выборы. Немецкие националисты, с другой стороны, страстно выступали против этой идеи. Они совершенно справедливо понимали, что колесо истории пройдет мимо них, и они знали, что могучие силы Национал-Социализма удвоятся или утроятся, особенно потому, что у них будет дополнительный ореол захвата власти. Но, наконец, соглашение было достигнуто.

В субботу, 28 января 1933 года, я мог доложить Руководителю, что в основном работа завершена и что теперь, наконец, можно рассчитывать на его назначение. Но в прошлом у нас были такие горькие разочарования, что мы не осмеливались говорить об этом даже нашим самым близким друзьям. И вот так получилось, что назначение Адольфа Хитлера, последовавшее 30 января 1933 года, удивило не только всю общественность, но и всю партию. Вплоть до ночи с 29-го на 30-е все еще можно было считаться со всевозможными интригами со стороны бывшего кабинета министров. На мгновение почти показалось, что Шлейхер не уйдет в отставку, не оказав сопротивления, но он уже безнадежно проиграл битву; все было улажено. В понедельник, 30 января, в 11 часов утра президент назначил Адольфа Хитлера канцлером, а через семь минут был сформирован кабинет и министры приведены к присяге. Раньше на формирование кабинетов уходили недели, иногда месяцы; теперь все было улажено за четверть часа. Со словами престарелого фельдмаршала: "А теперь, господа, вперед с богом!" новый кабинет приступил к своей работе.

В прошлом году я, как представитель Хитлера, часто ходил взад и вперед между Кайзерхофом и Вильгельмштрассе, и я никогда не забуду момент, когда я поспешил к своей машине и смог первым сказать ожидающей толпе: "Хитлер стал канцлером!" Сначала воцарилась затаившая дыхание тишина, но затем толпа в дикой спешке разошлась. Можно было видеть, как мальчики, мужчины и даже женщины спешили распространить радостную весть, рассказать другим, что Германия спасена. Я не могу описать, каковы были наши чувства, когда мы снова собрались вместе в номере отеля Кайзерхоф. Как чудесно, наконец, изменила нам удача и как чудесно престарелый фельдмаршал был использован как орудие в руке Божьей. 13 августа 1932 года и в ноябре прошлого года он отказывался назначать Хитлера; но теперь, в нужный и решающий момент, он назначил его.

Первое заседание Кабинета министров было назначено на пять часов пополудни. Мы все были преисполнены торжественного чувства, когда Хитлер впервые в качестве канцлера обратился к нам и в замечательных словах описал нашу цель и стоящие перед нами задачи. Но снаружи, на улицах столицы, и во всех городах Германии, и во всех деревнях, звонили колокола, люди ликовали, обнимали друг друга, были счастливы в опьянении великим и благородным энтузиазмом. Повсюду по улицам маршировали колонны с песнями, внезапно раздался крик о том, что вечером состоится факельное шествие в честь Хитлера и Гинденбурга. Весть распространилась с быстротой молнии. Со всех районов, со всех пригородов Берлина стекались толпы людей. Штурмовые отряды, гвардейцы (SS), "Стальные каски" и патриотические объединения собрались плотными колоннами в различных местах проведения митингов, зажгли свои факелы, а затем прошли мимо Президентского дворца в такой процессии благодарности, какой никогда прежде не видели в истории столицы. Там, у освещенного окна дворца, стоял престарелый и почтенный фельдмаршал и, глубоко тронутый и преисполненный радости, смотрел сверху вниз на народ, который снова стал свободным и счастливым.

А несколькими домами дальше неподвижно стоял человек, который заслужил благодарность всего народа - человек, который никогда не ослабевал в ожесточенной, непрекращающейся борьбе, который всегда крепче держал знамя, когда другие колебались, который, несмотря ни на что, всегда оставался верен своему делу и народу - его Канцлер: Адольф Хитлер.

И это была незабываемая ночь, в которую родилась новая немецкая свобода.

Вскоре после захвата власти и во время выборов 5 и 12 марта 1933 года революция медленно и без каких-либо видимых стимулов извне становилась все сильнее и одержала победу. Министры, которые не были Национал-Социалистами, должны были осознать, и фактически осознали, что они ничего не смогут добиться обычными реформами, потому что весь народ готовился к действию. Люди хотели, наконец, получить какой-нибудь внешний признак того, что они стали свободными и что наступает новая эпоха. Единственным внешним символом этой борьбы за свободу, который был известен народу, был флаг со свастикой. Поэтому было вполне логично, что в ходе революции этот боевой штандарт должен был быть водружен на всех общественных зданиях. Фельдмаршал, сознавая огромное значение произошедшего и желая продемонстрировать свое признание революции, постановил, что свастика, наряду с черным, белым и красным, должна стать официальным флагом Райха. Мы глубоко благодарны ему за это мудрое решение.

Деятельности во всех сферах было придано новое направление. Важной задачей для меня была реорганизация и новое построение прусской бюрократии. И вот был принят закон о чистке бюрократии. Этот закон, наконец, дал мне полномочия отстранять от должности всех чиновников, чье отношение или характер делали маловероятным их полезное сотрудничество в строительстве нового государства. Но это также дало мне возможность очистить бюрократию от чрезмерного влияния евреев.

15. Моя задача

Фюрер назначил меня членом нового кабинета. До своего назначения я уже был спикером германского рейхстага и должен был продолжать занимать этот пост. Но Вождь дал мне прусское министерство внутренних дел, прежде всего, для того, чтобы я сверг и сокрушил коммунизм в этом величайшем государстве Райха. Он пожелал мне искоренить эту разрушительную и предательскую партию и вдохновить государственных чиновников суровой философией Национал-Социализма вместо существующих коррумпированных марксистско-буржуазных идей. В то время в Пруссии марксистское правительство под руководством социал-демократа Брауна на бумаге и де-юре все еще находилось у власти, но де-факто это правительство было свергнуто тогдашним канцлером фон Папеном 12 июня прошлого года и не имело никаких прав. Тем не менее они по-прежнему, гордые и неустрашимые, называли себя "суверенным" правительством Пруссии и тем самым до конца заявляли о полной абсурдности своего существования.

Так я стал комиссаром внутренних дел в Пруссии и одновременно министром Райха. Передо мной стояла огромная задача. Министерство внутренних дел Пруссии всегда было одним из самых могущественных министерств Райха и государства. Именно здесь Северинг и Гжесинский вели свою политическую игру. Именно отсюда они вели свою террористическую деятельность против Национал-Социалистов. Именно по этой причине каждый Национал-Социалист, и прежде всего простые штурмовики, почувствовали особую гордость и удовлетворение, когда это министерство было передано в руки старого поборника движения. Ибо именно отсюда они подвергались преследованиям и мучениям, и отсюда были изданы все те приказы и декреты, направленные на их подавление; именно отсюда были даны указания по жестокому преследованию борцов за свободу. И вот, 1 февраля 1933 года, под оглушительные аплодисменты многотысячной толпы победоносная свастика была водружена на главный флагшток перед почетным караулом, состоящим из полиции, гвардейцев в стальных касках и оркестра, игравшего прусский церемониальный марш.

а) Реорганизация полиции

Я взял на себя тяжелую ответственность, и передо мной лежало обширное поле работы. Было ясно, что я смогу мало использовать административную систему в том виде, в каком она была тогда. Мне придется внести большие изменения. Начнем с того, что мне казалось первостепенной важностью твердо взять оружие уголовной и политической полиции в свои руки. Именно здесь я произвел первые кардинальные кадровые перестановки. Из 32 начальников полиции я уволил 22. В течение следующего месяца за ними последовали сотни инспекторов и тысячи сержантов полиции. Были привлечены новые люди, и в каждом случае эти люди были из огромного резерва Штурмовых войск и Гвардии. Моя задача состояла в том, чтобы внушить полиции совершенно новый дух. Ранее полиция была низведена до роли мальчика для битья в Республике, отчасти из-за того, что ее заставляли избивать противников Республики, а отчасти из-за того, что она всегда перекладывала ответственность на плечи мелких чиновников, руководители которых были слишком трусливы, чтобы вступить за своих подчиненных. Теперь все должно было измениться. Авторитет был бы в нужном месте. Через несколько недель уже можно было заметить, как изменилась выправка полицейских, как они стали более уверенными в себе, как озлобленные чиновники постепенно становились ценными офицерами и сержантами полиции. Они никоим образом не проходили военной подготовки, но, тем не менее, были проникнуты традиционными солдатскими добродетелями. От них требовалась преданность долгу, верность и послушание, и прежде всего, чтобы они поклялись безоговорочно служить Национал-Социалистическому государству и новой Германии. Молодые и испытанные офицеры, которые в прошлые годы не позволяли запугивать себя Республикой, были повышены в должности и поставлены на ответственные посты. Особый отряд, полицейское подразделение "Векке", был отобран и оснащен всем оружием, разрешенным полиции, и сформировал авангард новых полицейских сил. Но тем самым пробудились амбиции других отрядов, и они стремились показать, что могут быть такими же хорошими и результативными, как эти отборные бойцы. В качестве внешнего признака этого вновь пробудившегося чувства гордости я запретил всем офицерам и инспекторам, а позже и всем другим полицейским чиновникам носить дубинки. То, что полиция должна бегать вокруг и наносить удары дубинками по публике, не соответствовало моим чувствам как офицера. Полицейский прибегает к силе только в случаях крайней необходимости, только когда речь идет о жизни или смерти, но тогда он должен выхватить револьвер и выстрелить, чтобы защитить государство и людей. Но до тех пор положение вещей было таково, что, когда какой-нибудь полицейский стрелял из револьвера в целях самообороны, он становился фигурантом уголовного дела, которое обычно приводило к его озлоблению и наказанию. Поэтому неудивительно, что полиция больше не осмеливалась действовать храбро и решительно, а только отрабатывала свою ярость дубинками там, где это было безопасно. Полиция сепаратистского режима прекрасно знала, что наши люди были безоружны и не могли в них стрелять; поэтому они осмелились избить их дубинками. Но они действовали против коммунистов совсем по-другому. Они знали, что коммунисты могут стрелять в них из револьверов; с этим они часто сталкивались, и в офицеров и рядовых часто стреляли. Но правительство ничего не сделало для их защиты.

Коммунистов, "политических детей" герра Северинга, в конце концов всегда защищали сочувствующие им красные. Теперь все в корне изменилось.

Я отдал строгие приказы и потребовал, чтобы полиция направила все свои силы на безжалостное уничтожение подрывных элементов. На одной из моих первых крупных встреч в Дортмунде я заявил, что в будущем только один человек будет нести ответственность в Пруссии, и этим человеком буду я сам. Тот, кто выполнял свой долг на службе государству, кто подчинялся моим приказам и принимал суровые меры против врагов государства, кто безжалостно пускал в ход свой револьвер при нападении, мог быть уверен в защите. Тот, кто, с другой стороны, был трусом, избегал драки и смотрел в другую сторону, кто не решался воспользоваться своим оружием, должен был рассчитывать на то, что я вышвырну его при первой возможности. Тогда я заявил перед тысячами своих соотечественников, что каждая пуля, выпущенная из ствола полицейского пистолета, была моей пулей. Если вы называете это убийством, то я и есть убийца. Все было заказано мной; я стою за это и не побоюсь взять ответственность на себя. Тот, кто увидит сегодняшнюю прусскую полицию по прошествии трех четвертей года, будет совершенно неспособен узнать в ней полицию герра Северинга. Ядро полиции было превосходным, и то, что нам удалось сделать за последние несколько месяцев, - это превратить прусскую полицию в инструмент, который дает государству правильное чувство безопасности и дает самим полицейским гордое ощущение того, что они являются первым и самым острым оружием государства. Благодаря смене уродливой формы и вручению флагов подразделениям повысилось самоуважение офицеров и рядовых. Новая клятва верности теперь имела более глубокий смысл, и выполнять ее стало их священным долгом.

б) Организация государственной тайной полиции

Положение дел в политической полиции действительно было очень плохим. Здесь я почти повсюду находил доверенных агентов социал-демократов, созданий герра Северинга. Эти люди сформировали печально известное подразделение 1 А (политическая полиция). При существующем положении вещей я не мог бы ими воспользоваться. По правде говоря, худшие элементы были устранены моим предшественником Брахтом. Но теперь мне предстояло довести это дело до конца, и в течение нескольких недель я лично занимался реорганизацией. Наконец, я один создал, по собственной инициативе, "Департамент государственной тайной полиции". Это инструмент, которого так боятся враги государства, и который главным образом ответственен за тот факт, что в Германии и Пруссии сегодня не может быть и речи о марксистской или коммунистической опасности. Не принимая во внимание старшинство, я направил самых способных людей, которые у меня были, в это "Управление государственной тайной полиции" и поставил его под командование наиболее способных из моих младших сотрудников. С каждым днем я все больше укрепляюсь во мнении, что выбрала правильных мужчин. Достижения Дильса и его людей навсегда останутся одним из ярких событий первого года восстановления Германии. Меня также наиболее активно поддерживали гвардейцы и Штурмовые отряды. Без их помощи и поддержки я никогда бы не справился с врагами государства так быстро и эффективно. Сейчас я еще раз реорганизовал полицию Сирета и поставил ее под свой непосредственный контроль. Благодаря сети центров в провинциях, штаб-квартирой которых является Берлин, я ежедневно, я бы сказал, почти ежечасно, информируюсь обо всем, что происходит в обширном Прусском государстве. Последнее прибежище коммунистов нам известно. Как бы часто они ни меняли свою тактику и имена своих курьеров, через несколько дней их отслеживают, сообщают, за ними наблюдают и арестовывают. Мы должны были действовать против этих врагов государства с полной беспощадностью. Не следует забывать, что на момент нашего прихода к власти, согласно данным мартовских выборов, насчитывалось около четырнадцати миллионов сторонников коммунизма и марксизма. На самом деле не все эти люди были врагами государства. Большая часть из них, бесчисленные миллионы, были добропорядочными немцами, введенными в заблуждение безумными теориями, пустотой и бесхребетностью партий среднего класса. Поэтому было тем более необходимо, чтобы эти люди были избавлены от заблуждений и вновь возвращены в сообщество немецкого народа. Но столь же необходимо было принять решительные меры и против самих обманщиков, агитаторов и вождей. Так были созданы концентрационные лагеря, в которые мы отправили в первую очередь тысячи чиновников коммунистической и социал-демократической партий. Вполне естественно, что вначале были допущены эксцессы. естественно, что то тут, то там имели место избиения; были и случаи жестокости. Но если мы примем во внимание величие события и все, что ему предшествовало, мы должны признать, что эта немецкая революция за свободу была одной из самых бескровных и дисциплинированных из всех революций в истории.

е) Уничтожение Марксизма и Коммунизма

Определенные неприятные и нежелательные явления являются сопутствующими каждой революции. Но если, как в данном случае, их так мало, и если цель революции так полностью достигнута, никто не имеет никакого права поднимать о них агитацию.

Но я самым решительным образом протестую против потока подлой клеветы и историй о зверствах, которые были распространены за границей существами, бежавшими из Германии и не имеющими ни чести, ни Отечества. Распространяя эти истории, евреи Германии доказали более убедительно, чем мы могли бы сделать в наших речах и нападениях, насколько мы были правы в наших защитных действиях против них. Здесь еврей в своей стихии, лжет и выдумывает истории о зверствах, с безопасного расстояния швыряет полные ведра грязи в людей и страну, гостеприимством которых он пользовался десятилетиями. Порядочным евреям следует благодарить только представителей своей собственной расы за то, что теперь ко всем им относятся одинаково. Они могут направить свои протесты еврейским организациям за рубежом, которые играют главную роль в кампании зверств. Наше обвинение против евреев заключается не только в том, что роль, которую они играли в каждой профессии, была непропорциональна их общей численности; дело не только в том, что они стали хозяевами финансов, капитала; дело не только в том, что они занимались ростовщичеством и коррупцией в огромных масштабах и что они эксплуатировали Германию и высосали кровь из ее вен; дело не только в том, что они были в первую очередь виноваты в преступлении инфляции, но и в том, что они безжалостно душили своих экономически более слабых немецких хозяев. Наше главное обвинение против евреев состоит в том, что именно они предоставили марксистам и коммунистам их лидеров, и именно они оккупировали редакции тех подрывных и клеветнических газет, которые имели злобу и ненависть ко всему, что для нас, немцев, было священным; именно они цинично исказили и высмеяли слова "немецкий" и "национальный", а также идеи чести и свободы, брака и верности. Поэтому неудивительно, что немецкий народ, наконец, был охвачен праведным гневом и, наконец, не пожелал больше позволять этим паразитам и угнетателям играть роль хозяев. Только тот, кто наблюдал за деятельностью евреев в Германии, только тот, кто знает еврея по его поведению в Германии, может полностью понять необходимость того, что сейчас было сделано. Еврейский вопрос еще не решен полностью. Все, что происходило до настоящего времени, было просто защитой народа, реакцией против разорения и коррупции, порожденных еврейской расой. Если мы посмотрим на это с этой точки зрения, то увидим, что революция была идеально упорядоченной и бескровной. Она разрушила то, что было старым и прогнившим, и выдвинула на передний план то, что было новым и незапятнанным.

Тайная полиция внесла большой вклад в успех этой революции и помогла защитить ее достижения.

В разгар этой созидательной работы вспыхнул большой пожар, в результате которого сгорели купол и помещение райхстага. Преступники спланировали этот пожар, подожгли немецкий райхстаг, чтобы дать уже умирающей коммунистической партии сигнал к последней отчаянной атаке, прежде чем Хитлеровское правительство прочно утвердится в седле. Пожар должен был стать сигналом к всеобщему террору со стороны коммунистов, к всеобщему восстанию и гражданской войне. Эти результаты не были достигнуты не из-за благородных побуждений коммунистов ; они не состоялись просто и исключительно благодаря железной воле и сильной руке Адольфа Хитлера и его товарищей по борьбе, которые нанесли удар быстрее, чем рассчитывал враг, и сильнее, чем они могли подозревать, и с первого удара сокрушили его раз и навсегда.

В ту ночь, когда я отдал приказ об аресте 4000 коммунистических чиновников, я знал, что еще до рассвета коммунисты проиграли бы великую битву. Но теперь нашей задачей было проинформировать народ о грозившей ему страшной опасности. Наконец-то стало возможным проникнуть в самые секретные планы коммунистов, их организации и цели. Теперь мы могли видеть, какие преступные и безжалостные средства намеревались использовать эти бесчеловечные существа, чтобы уничтожить храбрый народ и гордую империю. Меня упрекали в том, что я публикую старые инструкции как коммунистические приказы о гражданской войне. Неужели кто-нибудь действительно думает, что приказ менее опасен, потому что он был издан много лет назад? Неужели кто-то действительно думает, что мы должны относиться к поджогу Райхстага более снисходительно, потому что мы можем сказать, что он уже был спланирован коммунистами за несколько лет до этого? Сегодня, когда буржуазные политики спрашивают меня, действительно ли была необходима эта крайняя мера защиты, действительно ли коммунистическая опасность так велика, если я не зашел слишком далеко - Я могу только ответить с изумлением и презрением: "Да, если вам, трусам из среднего класса, больше не нужно бояться коммунистической опасности и вы избежали ужасов коммунистической революции, то это не потому, что вы и такие, как вы, существовали, а потому, что, пока вы разглагольствовали в своей дилетантской гостинной, о большевизме, были люди, которые увидели опасность такой, какой она была, и устранили ее. "Если меня еще раз обвинят в том, что я сам поджег райхстаг, чтобы заполучить коммунистов в свои руки, я могу только сказать, что эта идея смешна и гротескна. Мне не нужно было никакого специального мероприятия, чтобы иметь возможность выступить против коммунистов. Список их преступлений был уже таким длинным, а их проступок таким чудовищным, что я в любом случае был полон решимости использовать все имеющиеся в моем распоряжении силы, чтобы безжалостно уничтожить эту заразу. Поджог райхстага, на самом деле, совершенно не вписывался в мои планы, как я уже указывал в своих показаниях на процессе о поджоге Райхстага. Это вынудило меня действовать раньше, чем я намеревался, и нанести удар до того, как я закончил необходимые приготовления.

Для меня нет никаких сомнений в том, что теми, кто спровоцировал и спланировал пожар, была Коммунистическая партия, и что, должно быть, было несколько человек, которые действительно совершили это деяние. Тот, кого поймали, был, вероятно, самым неуклюжим и глупым из них. Но сами поджигатели в конечном счете не несли ответственности. Их духовные отцы и тайные проводники за кулисами являются настоящими преступниками против немецкого народа и разрушителями немецкой культуры.

а) Премьер-министр Пруссии

Очень скоро мне стало ясно, что совершенно необходимо, чтобы я был не только министром внутренних дел Пруссии, но и премьер-министром. Только если бы я занимал этот пост, я мог бы должным образом выполнить свою задачу по уничтожению подрывных идей, ликвидации партий среднего класса и установлению нового порядка. По этой причине я решил нелепый вопрос о "суверенном" прусском правительстве. Я также уговорил герра фон Папена, как было условлено ранее, уйти в отставку с поста комиссара по делам Пруссии, чтобы Фюрер мог передать этот пост мне. Только благодаря тому, что я смог укрепить позиции Министерства внутренних дел Пруссии с помощью полномочий премьер-министра Пруссии, мне удалось провести все необходимые реформы. Ибо пост премьер-министра Пруссии теперь был важнее и сильнее, чем раньше. В предыдущие годы он был всего лишь парламентской фигурой и мог лишь влиять на общее направление политики, но теперь этот пост означал неограниченную власть. Премьер-министр Пруссии теперь нес ответственность за все прусское государство, особенно теперь, когда канцлер, после принятия закона о штандартенфюрере, передал свои права штандартенфюрера Пруссии мне. Во время моего пребывания в Риме на Пасху особенно приятная телеграмма от Фюрера сообщила мне о моем назначении премьер-министром Пруссии:

"Я назначаю вас премьер-министром Пруссии с сегодняшнего дня (10 апреля). Пожалуйста, приступайте к своим обязанностям в Берлине 20 апреля.

"Я счастлив, что могу вручить вам этот знак моего доверия к вам и благодарности за большие услуги, которые вы оказали немецкому народу в течение десяти лет, в течение которых вы были борцом в нашем движении за возрождение Германии. Я также благодарю вас за ваши заслуги в качестве комиссара по внутренним делам в Пруссии в успешном проведении Национальной революции, и прежде всего я благодарю вас за уникальную преданность, с которой вы связали свою судьбу с моей."

С момента моего назначения, которое, таким образом, стало результатом доверия Хитлера ко мне, судьба Пруссии была в моих руках, и я сознавал, что могу принять участие, занимая самый важный пост в Рейхе, в великой работе Адольфа Хитлера по восстановлению. Ибо у Пруссии во все времена была миссия и ответственность за пределами ее собственных границ, и это было "Решение германского вопроса". Законы, принятые в Пруссии, часто служили образцом для других государств в силу недавно созданного суверенитета Рейха и его канцлера. По этой причине я старался как можно скорее внедрить наши Национал-Социалистические принципы на практике в Пруссии. Это стало возможным благодаря созданию тоталитарного государства, то есть победе Национал-Социалистической партии по всей Германии и сохранению ее статуса единственной политической организации в стране. Это также стало возможным благодаря тому, что Фюрер наделил меня всеми полномочиями. Я с радостью взялся за великую задачу превращения Пруссии, прогнившей из-за неправильного управления марксистами, в новое государство, вдохновленное духом Фридриха Великого. Сейм был немедленно отменен. На его место я поставил Прусский государственный совет. Этот Государственный совет состоял из людей, которые были назначены мной отчасти из-за их высокого положения в партии или в Штурмовых отрядах, а отчасти потому, что они отличились другими способами. Их задачей было помогать мне своими советами, изучать проекты законов, вносить предложения и поддерживать живую связь между правительством и народом. Но Государственный совет обладает лишь консультативными полномочиями. Он не может принимать никаких решений и не может взять на себя никакой ответственности. Ответственность несет только премьер-министр, и никакой комитет не может освободить его от нее. Таким образом, принцип лидерства был введен в чистом виде, в то же время поддерживая живой контакт с людьми.

Нашей задачей было везде строить заново, и мы можем с гордостью сказать, что проделали огромную работу.

В течение первых недель я просиживал ночь за ночью до 2, 3 или 4 часов в своем кабинете в Министерстве внутренних дел Пруссии. Позже я перешел в прусское государственное министерство. Под мое непосредственное руководство были переданы специальные отделы, такие как государственный и муниципальный театры, которым грозило полное разорение и которые должны были быть полностью реорганизованы. Это была задача, которая требовала крепких нервов и большого количества времени. Меня всегда очень интересовало лесное хозяйство, и теперь я был управляющим самым большим лесным массивом в Германии, а именно прусскими государственными лесами. Здесь я тоже хотел

двигаться в совершенно новом направлении. Поэтому я поставил этот департамент тоже под свое непосредственное руководство, создал необходимые основы и принял необходимые законы.

Это действительно была полноценная и активная жизнь, к которой призвал меня Фюрер. Я был председателем райхстага, премьер-министром Пруссии, министром внутренних дел Пруссии и, кроме того, убежденным Национал-Социалистом, который продолжал проводить публичные собрания, чтобы никогда не терять контакта с народом. Задачи часто были непосильными, но, с другой стороны, они закаляли силы и подстегивали к достижению максимального результата. Но превыше всего было благословенное чувство счастья оттого, что тебе было позволено служить своей стране на одном из самых важных постов, и тебя поддерживало удивительное доверие Фюрера, и - это, пожалуй, самое замечательное для человека из всех - иметь возможность формировать и созидать.

d) Авиация

Как бывшему летчику, мне дали еще одну сферу работы. Канцлер справедливо заметил, что гражданские воздушные линии имеют огромное значение. Поэтому их пришлось вывести из-под контроля Министерства транспорта. Было сформировано новое Министерство авиации, и Фюрер назначил меня его главой. Он поставил передо мной задачу сделать немецкое воздушное сообщение лучшим и безопасным в мире и поднять коммерческий воздушный флот на новую высоту значимости. Прежде всего, немецкий летный дух, который был скован цепями Версальского мирного договора, должен был найти новый выход в воздушном спорте.

На пути у меня было не так уж много машин, которые я мог бы взять на себя. В основном это были старые модели, поскольку современных пассажирских самолетов было очень мало. Здесь мне тоже пришлось отдать все свои силы великой задаче.

Мне также казалось абсолютно необходимым убедить другие державы в том, что Германия тоже имеет, по крайней мере, право на оборонительный флот. Германия, окруженная державами, ошестившимися вооружением, и сама совершенно безоружная, не располагает ни одной машиной преследования, ни одним самолетом наблюдения. Она полностью находится во власти других Сил. Это правда, что Германии было разрешено содержать небольшой военно-морской флот и небольшие силы для сухопутной обороны. Но какой смысл в этой горизонтальной обороне, если враг планирует атаковать нас вертикально?

Ни одному французскому солдату, ни одному вражескому линкору не нужно было наступать на Германию; без какого-либо риска для себя воздушные флоты Франции, Польши, Бельгии, Чехословакии и других стран могли бы пролетать над Германией и уничтожать процветающие немецкие города и деревни, убивать и калечить невинных людей. Кто может здесь говорить о равенстве прав?

И какой здесь след от права на самозащиту? И где хоть какой-то след от того, о чем так много говорят о международной морали, международном духе и европейской цивилизации? Никогда и ни на каком этапе переговоров мы не просили о наступательных самолетах или бомбардировщиках. Мы только хотели защитить себя, иметь защитные машины от вражеских атак, иметь машины-преследователи против вражеских бомбардировочных эскадрилий. Почему нам не разрешены такие машины? Если другие державы говорят, что они никогда не хотели нападать, если у них нет злых умыслов в отношении Германии, почему они не должны позволить Германии защищаться? Почему у Германии может не быть зенитных орудий? Действительно, возникает подозрение, что оно предназначено в назначенное время обрушиться на Германию и вторгнуться в нее в полной безопасности с воздуха. Мир должен, наконец, осознать тот факт, и народы должны осознать, что предоставление Германии небольшой армии и флота для ее безопасности - это просто издевательство, пока вертикальная линия незащищена и открыта для любых нападений. Поэтому моя задача - продолжать увещевать и требовать до тех пор, пока Германия, наконец, не добьется истинного равенства и безопасности.

16. Создание нации

В течение десяти месяцев Хитлер правил Германией. Как мало времени, но как велико достижение! Как много всего произошло! За несколько месяцев нам удалось сделать то, на что, как мы думали, ушли бы годы. Во всех сферах начался прогресс. Везде мы продвигались вперед. Немецкий крестьянин, еще несколько месяцев назад лишенный прав и способный в любой момент быть выгнанным из дома и с фермы, теперь снова прочно стоит на своей наследственной земле. Его земля больше не является товаром; она была вырвана из лап спекулятивных ростовщиков и снова стала священной и неприкосновенной. Мы находимся в разгаре мощной кампании по борьбе с безработицей. Почти семь миллионов безработных выжидающе и с отчаянием смотрели на Адольфа Хитлера. Сегодня, по прошествии десяти месяцев, почти у половины из них есть работа и техническое обслуживание. Это действительно беспрецедентное и неслыханное достижение со стороны Адольфа Хитлера. Общественное доверие пробудилось, и это приводит к дальнейшему росту занятости. Это, однако, также активно стимулируется схемами со стороны правительства. Запланированы тысячи километров новых великолепных дорог для автомобильного движения, и работы по ним уже начались; будут проложены новые каналы, отменен налог на автомобили, снижены страховые взносы, ежедневно строятся тысячи и тысячи новых автомобилей. Часть ставок была с пользой применена к схемам создания рабочих мест. Полностью коррумпированная и почти обанкротившаяся система пенсионного обеспечения по старости была отменена смелым законом, который в то же время сохранил взносы участников. Театры, фильмы, музыка и пресса были освобождены от еврейского духа и очищены от всех подрывных влияний. Начался новый расцвет во всех отраслях культурной жизни. Движение и государство слились воедино в общей Национал-Социалистической философии. Партия и Штурмовые отряды тесно связаны с правительством и, таким образом, обеспечивают непрерывное и безмятежное развитие.

Но самое главное, величайшая и замечательнейшая из идей, стала реальностью: Хитлер добился того, что казалось невозможным. Из раскола и разобщенности немецкого народа, из всех его партий и классов он создал единый народ. То, что раньше в истории Германии было самое большее мечтой, теперь стало конкретной реальностью. Из сорока двух миллионов избирателей сорок миллионов объединились в единый фронт - замечательное событие, великолепный урожай с семян, посеянных Адольфом Хитлером. 12 ноября 1933 года навсегда останется самым славным днем в истории Германии. Некоторое время назад Хитлер произнес следующие незабываемые слова: "12 ноября не только показало, что сорок миллионов немцев едины с правительством; не только показало, что подавляющее большинство немцев поддерживает политику правительства;

12 ноября, прежде всего, показало, что Германия снова стала порядочной и независимой!" 12 ноября показало, что Хитлер был прав, когда он снова и снова повторял: "Ядро народа здоровое. Я верю в свой народ, и этот народ однажды покажет миру, что он одумался и восстал снова!" 12 ноября подтвердило веру Адольфа Хитлера в свой немецкий народ.

Безнадежная слабость и бессилие Райха во внешних делах были неизбежным результатом катастрофической внутренней политики предыдущей системы. Здесь было видно, что внешняя политика народа всегда является результатом его внутренней политики. Внутренняя политика по-прежнему имеет первостепенное значение. Ибо невозможно изнутри лишить народ всех его национальных достоинств и позволить ему стать деморализованным и трусливым и в то же время героически действовать по отношению к зарубежным странам. Республика возникла благодаря предательству. Было вполне логично, что это должно было быть осуществлено путем предательства и отказа от жизненно важных прав нации. И тем не менее предыдущая система особенно гордилась своей внешней политикой и своими успехами в этой сфере. Указывалось, что Хитлер за несколько недель свел на нет все эти успехи и в кратчайшие сроки не оставил после себя ничего, кроме крушения в области внешней политики. Те, кто делал подобные заявления, уже внутренне ликовали, когда в первые месяцы года кольцо вокруг Германии становилось все ближе и ближе. Они указали, что Хитлер нажил врагов всем нациям, но не сказали, что в течение всего последнего десятилетия эти нации не проявляли ничего, кроме враждебности по отношению к Германии. Железное кольцо существовало всегда, но прежней системе удалось обмануть свой собственный народ и заставить его поверить, что другие нации преисполнены доброй воли по отношению к Германии. Такой доброй воли - на самом деле - никогда не существовало. Германия была не чем иным, как мальчиком для битья для других наций в Женеве. Международные соглашения были заключены за счет Германии. Самое маленькое из южноамериканских государств не играло такой жалкой роли в Женеве, как так называемая Великая держава - Германия. Это правда, что, когда Хитлер пришел к власти, казалось, что внезапно все враждебные силы объединились, чтобы привести к падению Германии в области внешней политики. Эмигранты сыграли свою роль в своей гнусной кампании клеветы. Бывшие лидеры социал-демократов обратились за границу с призывом к вооруженному вмешательству в Германию. Наконец они сняли свои маски, и немецкий рабочий теперь мог видеть, какие негодяи - и это слово слишком слабое - управляли его судьбой в течение последнего десятилетия. Забыв о своей стране, они были настолько печально известны, что предпочли видеть, как Германия превращается в дым и пламя во время французского и польского вторжения, чем быть изгнанными со своих собственных прибыльных постов. Беспрецедентная кампания ненависти, поддержанная лживыми сообщениями прессы, довела чувства в странах вокруг Германии до точки кипения. Германия теперь внезапно предстала в роли нарушительницы европейского мира; Германия, которая была совершенно безоружна и боролась со своей собственной тяжелой нуждой, теперь, как говорили, угрожала миру и представляла опасность для Франции, для Франции, вооруженной так, как не была вооружена ни одна нация в мировой истории. И казалось, что люди верили этим утверждениям.

17. За Раеные права, Честь и Мир

Но затем Адольф Хитлер показал, что он был не только возрожденцем Германии у себя дома, но, как он теперь впервые продемонстрировал миру, и во внешней политике государственным деятелем высочайшего ранга. В разгар этой напряженной атмосферы он произнес свою знаменитую речь о мире перед Райхстагом. В тот день мир лихорадочно ждал, что теперь скажет новый канцлер Германии, человек, подвергавшийся многочисленным оскорблениям, дикий милитарист. И он говорил о глубоком стремлении немецкого народа к миру, о его ужасной бедности и бедствиях; он говорил о том, как ей понадобились все ее силы, чтобы выйти из этого бедственного положения. Он также рассказал о своей борьбе с подрывными влияниями и безработицей и торжественно заявил перед всем миром, что никто в Германии и ни один немецкий государственный деятель не думал нападать на какую-либо другую страну и что новая Германия хочет сотрудничать со своими соседями в духе искреннего взаимного уважения. Но он также с глубокой серьезностью и пылким красноречием говорил о вновь пробудившемся в Германии чувстве чести, о желании Германии быть хозяином своей судьбы. Он также отметил, что мы принесли большие жертвы делу мира в Европе и были готовы пойти на дальнейшие жертвы, но что есть одна вещь, от которой никогда нельзя отказаться, одна вещь, от которой никогда не откажутся даже самые трусливые, единственная вещь, которая для народа, если это будет возможно. Свобода была жизненно необходима больше, чем воздух - честь нации.

Наши враги были разочарованы и преисполнены ярости из-за того, что за несколько часов эта виртуозная речь разорвала в клочья всю их сеть лжи. Но в других странах с облегчением вздохнули те люди, которые действительно желали мира и поэтому понимали, что нельзя требовать от такого великого народа, как немцы, того, что самому казалось бы невыносимым. Угрожающая гроза, казалось, миновала. Но враги Германии продолжали лихорадочно работать, чтобы неизмеримо увеличить трудности Германии в Лиге Наций и ввергнуть немецкий народ в тяжелые конфликты. На Конференции по разоружению ответственность была переложена не на те плечи. Разоружение хорошо вооруженных государств больше не обсуждалось. Предложения в этом направлении вряд ли заслуживали серьезного рассмотрения. Здесь тоже дискуссии касались исключительно Германии. Разоруженная и, с военной точки зрения, самая слабая страна должна была быть еще больше разоружена. Германия снова должна была предстать перед миром как нарушительница европейского мира. Германии должны были быть навязаны позорные условия, чтобы унижить хитлеровский режим перед собственным народом и перед всем миром. Политики в Женеве превосходили в хитрости наших переговорщиков. Им всегда ловко удавалось представить Германию упрямой и непреклонной.

Внезапно в напыщенных, лицемерных выражениях они заявили, что равенство, являющееся истинным только теоретическим равенством, которое было обещано Германии Шлейхера в декабре, не может быть применимо к хитлеровской Германии.

Теперь можно было ясно видеть, к чему они стремились. Теперь мы, немцы, знали, что произойдет на Конференции по разоружению в Женеве. Сейчас на карту было поставлено только одно, и это не могло быть предметом торга. Это была наша честь и вопрос нашего равенства между нациями. Тщательно обдумав этот вопрос и обратившись к собственной совести, Хитлер сделал единственную возможную вещь. Он предпринял смелый шаг, поставив мат Лиге Наций и ее интригам одним ходом, заявив, что Германия выйдет из Конференции и Лиги. И снова пресса ответила на этот смелый и умелый ход гневным воем.

Как мог Хитлер позволить себе вырваться из расставленных сетей, и как могла Германия осмелиться нарушить традиционные и популярные правила женевской игры, в которой Германия всегда должна была оставаться проигравшей! Наконец Лига Наций была вынуждена осознать, что ей противостоит первоклассный соперник.

Но Хитлер освободил себя от гнетущих и невыносимых оков. Германия, в течение пятнадцати лет связанная и бессильная во внешней политике, наконец-то вернула себе свободу действий. Впервые Германия была не просто наковальней; впервые прозвучали удары молота активной немецкой внешней политики. Присоединившись к Пакту четырех держав, блестящей концепции этого действительно великого государственного деятеля Муссолини, Германия показала, что она готова присоединиться к любой конференции или политической акции, которые, казалось бы, честно служат делу мира.

Одновременно с ее отъездом из Женевы в Германии началась последняя предвыборная кампания. Эти выборы не были, в отличие от предыдущих, борьбой между бесчисленными фронтами. Объединенная нация защищала себя как один человек; она как один человек требовала, чтобы ей были предоставлены равные права, и как один человек сражалась за свою честь против тех стран, которые были враждебны Германии. Немецкий народ показал всему миру, что он готов всеми силами сотрудничать в любой политике, которая действительно послужила бы миру во всем мире. Но, с другой стороны, это также показало миру, что если он хочет вести переговоры с Германией, он должен предоставить этой Германии такое же уважение, те же права и честь, которых другие нации потребовали бы для себя. Немецкий народ, почти до последнего мужчины и последней женщины, поддерживал своего Вождя и его политику свободы и чести. У Германии также в будущем нет желания грабить или унижать какую-либо другую нацию, но эта же Германия не позволит ни одной нации грабить или унижать ее.

Пусть другие народы поймут, что Фюрер Германии является первым гарантом мира в Европе. Ибо задача, которую Хитлер взял на себя, и борьба, которую он ведет у себя дома, касаются не только Германии. Миссия Хитлера важна для истории всего мира, потому что он развязал войну не на жизнь, а на смерть против коммунизма и тем самым создал оплот для других европейских наций. Много раз в мировой истории могучие духовные битвы решались на территории Германии. Мы свято верим, что если бы в могучей борьбе между коммунизмом и Национал-Социализмом победил первый, то смертоносная бацилла распространилась бы из коммунистической Германии в другие европейские страны. Настанет день, когда другие страны начнут осознавать это, и в этот день Франция, Англия и другие народы будут благодарны за то, что в критический момент в Германии был Адольф Хитлер.

Великая борьба, от исхода которой зависело будущее не только Германии, но и Европы и всего мира, была борьбой между Свастикой и советской звездой. Если бы Советская звезда одержала победу, Германия погибла бы в кровавом коммунистическом терроре, и весь западный мир последовал бы за Германией в пропасть. Победа Свастики, во всяком случае, предотвратила эту ужасную опасность, и за это мы должны благодарить Бога. Для Германии снова стало возможным подняться, а для нас - создать здоровую Германию. Но Германия является и останется сердцем Европы, а Европа может быть здоровой и жить в мире только тогда, когда ее сердце здоровое и неповрежденное. Немецкий народ восстал, и Германия снова будет здоровой. Для этого у нас есть гарант - Адольф Хитлер, Канцлер немецкого Народа и Защитник его Чести и Свободы.